

III.

Новая роль общественной критики и перемѣна отношенія къ ней власти.—Начало сознательной общественной жизни, какъ основная черта екатерининской эпохи.—Новое отношеніе власти къ общественному мнѣнію; дифференціація элементовъ націонализма и общественной критики.—Личное отношеніе Екатерины къ критическимъ элементамъ, какъ результатъ промежуточного положенія ея поколѣнія между эпохами Людовика XIV и французской революціи.—Философія и политика салоновъ, ея умѣренность.—Характеръ вліянія Вольтера на Екатерину: пессимистический взглядъ на людей и искусство управлять ими.—Первоначальный оптимизмъ Екатерины по отношенію къ идеямъ и его предѣлы: политика гармоніи «принциповъ» съ «интересами»; исключенія въ главныхъ вопросахъ внутренней и вѣнчаной политики.—Увѣренность въ личной миссіи—какъ результатъ идей вѣка, положенія и темперамента.—Личный характеръ просвѣтительной дѣятельности.—Отношеніе къ цѣльнымъ міровоззрѣніямъ русскимъ и заграниценнымъ.—Беккарія и устраненіе «разрушительныхъ аксіомъ» изъ Наказа.—Прецеденты законодательной комиссіи Екатерины и отличие послѣдней.—Дѣйствительность, обнаруженная наказами депутатовъ.—Положеніе провинціи; противорѣчие между сословными требованіями дворянства и стремленіями императрицы въ крестьянскомъ вопросѣ и въ уголовномъ законодательствѣ.—Роль вѣнчаной политики въ измѣненіи настроения Екатерины.—Задачи императрицы и положеніе партій въ комиссіи: интеллигентное дворянство, городскіе депутаты и разночинцы.—Оппозиція дворянства противъ намѣреній императрицы и оппозиція другихъ сословій противъ дворянства приводятъ къ закрытию комиссіи.

Екатерина и Петръ—эти два имени уже современниками сопоставлялись, какъ символъ двухъ послѣдовательныхъ эпохъ русской культурной исторіи. Современники поняли также и то, что екатерининская эпоха не только была продолженіемъ петровской, но и составляла съ ней въ то же время рѣзкий контрастъ. Чтобы характеризовать этотъ контрастъ, они даже придумали яркую метафору, которая сдѣлалась общимъ мѣстомъ у писателей екатерининского времени: «Петръ создалъ русскимъ тѣла, а Екатерина вложила въ нихъ душу».

Разумѣется, это наблюденіе сдѣлано грубо и отражаетъ на себѣ наивную персонификацію соціальныхъ явлений, свойственную тогдашнему міровоззрѣнію. Но въ грубой формѣ здѣсь формулированъ чрезвычайно важный соціологический фактъ, который, дѣйствительно, соста-

вляетъ главную характерную черту эпохи и уже поэточку не могъ ускользнуть отъ вниманія современниковъ. Эпоха Екатерины является эрой въ исторіи русскаго общественнаго самосознанія. «Душа» новой русской общественности, дѣйствительно, начинаетъ помнить и сознавать себя съ этого времени. Именно тогда кончается доисторический, третичный, періодъ русской общественной жизни, и она принимаетъ тотъ видъ и тѣ формы, въ которыхъ известна и нашему времени; старыя, допотопныя формы или окончательно вымираютъ, или обреченные на вымираніе, эмигрируютъ въ низшіе слои общественной атмосферы.

Мы знаемъ, что такова была въ самомъ дѣлѣ судьба старого общественнаго самосознанія, сложившагося въ XV—XVII вв. и имѣвшаго по преимуществу націоналистической характеръ. Отброшенное въ сторону побѣдой новой культуры, оно не сразу было замѣнено соответствующимъ новымъ сознаніемъ. Новая культура побѣдила, какъ известно, прежде всего, своими техническими преимуществами, сдѣлавшими изъ нея необходимое орудіе новой государственности и неизбѣжное условіе болѣе развитой промышленной жизни. Побѣдивъ, эта культура на первыхъ же порахъ пріобрѣла симпатіи господствующаго класса, которому она дала самый удобный по своей наглядности признакъ, впервые проведшій рѣзкую вѣшнюю черту между «благородствомъ» и «подлостью». Наконецъ, опять-таки съ самаго начала, новая культура расположила въ свою пользу влиятельные классы, какъ источникъ особыхъ, доселъ невѣдомыхъ наслажденій, материальныхъ, эстетическихъ и умственныхъ, начиная съ гастрономического обѣда и вольныхъ отношеній къ женщинѣ и кончая картами, музыкой, спектаклемъ и забавной книгой. Все это, однако, не давало еще достаточнаго материала для новаго, принципиально-различнаго отъ старого, общественнаго самосознанія.

Матеріалъ этотъ дала книга, какъ только перестали искать въ ней простой забавы. Первоначально, правда, въ ней искали только правила для сознательнаго личнаго поведенія *). Но отъ этого первого шага — отъ правилъ свѣтскаго обхожденія или предписаний индивидуальной морали — переходъ къ слѣдующему шагу, къ признанію важности общественной теоріи и необходимости сознательнаго общественнаго поведенія, былъ уже нечувствителенъ и совершился незамѣтно. Съ пionерами новыхъ воззрѣній мы уже знакомы. Извѣстно намъ также и то, что съ пятидесятыхъ годовъ влияніе книжной морали и общественной теоріи перестаетъ ограничиваться отдѣльными личностями и захватываетъ цѣлый общественный кругъ.—правда, еще очень ограниченный: кругъ дворянской молодежи, прошедшей высшую

*) См. стр. 205—6, о руководствахъ «свѣтскаго житія», — назовемъ еще, чтобы исчерпать всѣ темы этого рода, книгу Бельгарда, переведенную С. Волчковымъ въ 1762 г.: «Истинный христіанинъ и честный человѣкъ».

школу. Такимъ образомъ, императрицѣ Екатеринѣ посчастливилось взойти на престолъ въ такое время, когда почва была уже расчищена для воспріятія послѣдняго слова современной европейской литературы,— для усвоевія той основной мысли, пропагандировавшейся этой литературой, что общественный строй, въ интересахъ «человѣчества», можетъ и долженъ быть перестроенъ на «разумныхъ» началахъ.

Съ этого момента роль критическихъ идей, содержавшихся въ новой петровской культурѣ, становится совершенно иною, чѣмъ прежде. Въ общемъ широкомъ и мутномъ разливѣ новой культурной жизни отъ Петра до Екатерины слабо выдѣлялись элементы, враждебные между собою въ сущности — новой критики и новой привилегированной общественной традиціи. Не размежевавшись между собою, всѣ стороны новой культуры безъ разбора принимались подъ общее покровительство государственной власти, проводившей реформу. При Екатеринѣ и въ этомъ отношеніи совершается полный переворотъ. Элементы критики выдѣляются и составляютъ основу новаго общественного мнѣнія, которое сознательно и рѣзко противополагаетъ себя новой культурности, monopolизированной привилегированнымъ классомъ. Новая культура, какъ санкція наличнаго соціального строя, оказывается, такимъ образомъ, въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ новой культурой, какъ основой сознательнаго отношенія къ жизни. Власть вѣкоторое время колеблется между этими двумя враждебными пониманіями новой культуры. Но колебанія продолжаются недолго: волей-неволей власть принимаетъ сторону соціальной силы противъ соціального безсилія.

Тогда и представительство элементовъ критики переходитъ отъ власти къ интеллигентному общественному мнѣнію. Этой дифференціаціей враждебныхъ другъ другу элементовъ новой культуры кончается периодъ «официальнаго торжества критическихъ элементовъ», какъ мы охарактеризовали периодъ отъ Петра до Екатерины. Русская общественная жизнь вступаетъ въ новый, еще и донынѣ не завершившійся фазисъ.

Только что указанный переломъ совершился въ русской жизни въ особенно яркихъ и рельефныхъ формахъ отчасти потому, что онъ произошелъ среди очень еще несложной обстановки, въ сравнительно ограниченномъ кругѣ людей, задѣтыхъ новой культурой: отчасти же и потому, что свое наглядное выраженіе этотъ переломъ нашелъ въ смѣнѣ настроеній самой императрицы. Сама проникнутая вначалѣ критическими идеями, Екатерина на первыхъ же порахъ убѣждается въ ихъ противорѣчіи съ существующимъ общественнымъ строемъ, который она принуждена взять подъ свою защиту. Противорѣчіе это ее не особенно беспокоитъ, потому что критическая идеи заразъ начинаютъ казаться ей и бесполезными для практической жизни, и безсильными противъ русской дѣйствительности. Французская революція открываетъ ей глаза и

заставляетъ ее вступить въ борьбу съ мечтами своей юности, какъ дѣйствительно опасными для дальнѣйшаго существованія тѣхъ явленій жизни (прежде всего, крѣпостнаго права), противъ которыхъ протестовала критика. Въ этомъ признаніи критическихъ идей не просто личными, но опасными для окружавшей дѣйствительности—заключается ихъ гражданское крещеніе. Съ этого момента начинается непрерывная традиція русской общественной критической мысли.

Превратившись изъ союзника въ принципіального противника критическихъ элементовъ, власть, ио самому духу времени, уже не могла ограничиться простой материальной, физической борьбой противъ этихъ элементовъ. Съ идеей нужно было бороться во имя идеи: нужно было найти принципіальную основу для положительной, а не отрицательной только программы дѣйствій. Эта основа найдена была, какъ скоро увидимъ, въ идеализаціи прошлаго. Считать эту идеализацію простымъ востановленiemъ связи съ національнымъ самосознаніемъ XVI—XVII в. нѣтъ никакой возможности. Продукты того старого національного самосознанія навсегда отсѣчены были отъ дальнѣйшаго исторического процесса Никономъ и Петромъ: они кристаллизовались въ расколѣ. Такимъ образомъ, идеализація прошлаго въ екатерининское время оказывается совершенно новымъ явленіемъ, не опирающимся ни на какую традицію прошлаго. Напротивъ, пока жива была эта старая традиція, пока прошлое было слишкомъ близко, никакая идеализація его не была возможна (см. выше, стран. 202). Только забвение прошлаго могло лечь въ основу его *литературной реставраціи*. Мы увидимъ, что такая реставрація шла въ началѣ рука объ руку съ работой критической мысли и даже служила однимъ изъ ея приемовъ. Только по мѣрѣ того, какъ критическая мысль отбрасывалась въ оппозицію, литературная идеализація прошлаго начинала служить материаломъ для охранительной политической теоріи. Такимъ образомъ, охранительная идеология, такъ же какъ оппозиціонная, ведетъ свою непрерывную традицію отъ екатерининского времени. Для современного націонализма, какъ для современного общественного мнѣнія—екатерининская эпоха служить эрой, съ которой тотъ и другое считаютъ свое сознательное существование.

Уже изъ сказаннаго видно, что, если Екатерина, можетъ быть, и не вложила самолично «душу» въ материальное тѣло петровской новой культуры, то все же въ исторіи этой души ей принадлежитъ очень большая роль. Екатерина, увлекающаяся критическими идеями, Екатерина охлажденная, Екатерина враждебная имъ—всѣ эти метаморфозы собственнаго настроенія императрицы тѣсно сплетаются съ первыми шагами сознательной общественной жизни въ Россіи. Чтобы разобраться, какъ слѣдуетъ, въ томъ и другомъ, необходимо слѣдить оба теченія параллельно.

Прежде всего, сдѣлаемъ нѣсколько хронологическихъ справокъ.

По своимъ годамъ, Екатерина (р. 1729) заняла въ Россіи среднее положеніе между двумя поколѣніями: елизаветинскимъ, которое родилось во второмъ десятилѣтіи XVIII в. и учебные годы котораго совпали приблизительно съ открытиемъ Шляхетского корпуса (1732),—и молодымъ поколѣніемъ, родившимся уже при Елизавете и подросшимъ къ собственному воцаренію Екатерины: учебные годы этого послѣдняго поколѣнія совпадаютъ съ открытиемъ Московскаго университета (1755). Оба поколѣнія намъ уже отчасти извѣстны. Первое—насколько оно вообще жило культурной жизнью—жило идеями и вкусами эпохи Людовика XIV; интересы его были по преимуществу литературно-эстетические. Второе поколѣніе начало думать и чувствовать какъ разъ тогда, когда въ Европѣ совершился крутой переломъ настроенія, ознаменовавшій переходъ къ революціонной эпохѣ. Поколѣніе Екатерины—среднее между обоими. Оно вырастаетъ въ тотъ промежутокъ сравнительно неопределенного общественного настроенія, когда переходъ отъ Людовика XIV къ революціи только назрѣвалъ въ лучшихъ умахъ и даже ими самими не былъ еще вполнѣ сознанъ. Литература и поэзія уже уступили мѣсто «философіи» и политикѣ, но новые философскія и политическія идеи еще не были доведены до своихъ крайнихъ логическихъ послѣдствій. Руссо и Дидро, Гельвецій и Гольбахъ,—словомъ всѣ тѣ, кто поднялъ выше поту общественного и философскаго протesta, еще не появлялись или не завоевали себѣ вниманія просвѣщенныхъ круговъ. Вольтеръ еще занятъ былъ по преимуществу литературой. Въ философіи удовлетворялъ общему настроенію деизмъ, въ политикѣ конституціонализмъ: но достаточно вспомнить что представителями того и другаго были Вольтеръ и Монтескье, чтобы видѣть, что и эти ученія не представлялись въ формѣ строгой, законченной доктрины. Никакой доктрины и не потерпѣла бы та общественная среда, въ которой распространялись модныя идеи модныхъ философовъ и политиковъ. Мысль проникала въ эту среду—свѣтскихъ аристократическихъ салоновъ—исключительно въ формѣ фривольной шутки, достаточно серьезной, чтобы имѣть видъ теоретической защиты разсѣянной свѣтской жизни отъ «педантизма» всевозможныхъ цѣльныхъ доктринъ и системъ,—и настолько все-таки легкой, чтобы не затруднять ума даже такихъ дамъ, которые съ печатными книгами были знакомы только по молитвеннику.

Нуженъ былъ громадный литературный талантъ Вольтера и Монтескье, въ соединеніи съ страстью первого и глубокомысліемъ второго, чтобы въ такія тѣсныя рамки втиснуть контрабанду новаго міровоззрѣнія. Но и при этихъ условіяхъ, новые взгляды могли найти благосклонный приемъ, лишь сильно урѣзанные и, сознательно или безсознательно, исказенные по шаблону той самой соціальной среды, для которой предназначались. Литература позволяла себѣ потрясать лишь тѣ основы, которые и безъ того были расшатаны въ этой средѣ. Под-

капывая силу однихъ предразсудковъ, уцѣльвшихъ отъ прошлаго, модные писатели слишкомъ часто искали себѣ поддержки—въ союзѣ съ другими предразсудками, еще болѣе сильными, и такимъ образомъ «кадили Люцифера, чтобы избавиться отъ Вельзевула», по остроумному выражению Даламбера. Теоретикъ политическихъ формъ (Монтескій) платонически восхищался «республикой» грековъ и римлянъ, не предвидя возможности встрѣтиться съ нею въ современной ему Европѣ, и такъ же платонически метаѣ свои стрѣлы противъ «деспотизма», отводи ему мѣсто исключительно въ Азіи. У себя дома онъ былъ доволенъ сословной монархіей, ограниченной привилегіями дворянства. Для того же дворянства, для «верхнихъ двухъ—трехъ тысячъ», оттачивалъ свои сарказмы проповѣдникъ терпимости (Вольтеръ), откровенно предпочитавшій фривольное вольнодумство знати убѣжденному фанатизму буржуазіи и янсенистскому «педантизму» парламентовъ. Человѣчество для него дѣлилось на «чёрнъ» и «порядочныхъ людей», *sâlaïche et honnêtes gens*,—дѣленіе очень похожее на наши русскіе «подлость» и «благородство». Свою миссію онъ сознательно ограничивалъ «хорошей компаніей». «Довольно съ насъ, если всѣ порядочные люди будутъ презирать суевѣrie». «Народъ всегда остается глупъ и невѣжественъ: это скотъ, которому нужно лишь ярмо, кнутъ да сѣно». Союзникомъ въ борьбѣ противъ духовенства и парламентовъ должна быть королевская власть. Необходимо убѣдить правительство, что «философы»—естественные союзники «королей» и дѣлаютъ съ ними одно и то же дѣло.

Тѣ, кто говорятъ о позднейшемъ «измѣнѣ» Екатерины либеральнымъ взглядамъ ея молодости, не должны забывать, что эти взгляды были впервые усвоены ею въ этой смягченной, ни къ чему не обязывавшей формѣ. «Измѣна» была притомъ же обыкновеннымъ житейскимъ дѣломъ для первыхъ провозвѣстниковъ «философскихъ» идей. Безпрестанно отказывавшійся отъ собственныхъ сочиненій, при каждой ссорѣ съ церковью спѣшившій исповѣдаться и причаститься, льстившій королямъ, папѣ и іезуитамъ, систематически сочинявшій мадригали королевскимъ любовницамъ, вынудившій, наконецъ, на смертномъ одрѣ у собственного секретаря, протестанта и масона, послѣ двадцати четырехъ лѣтній совмѣстной жизни, недоумѣнныій вопросъ: во что же онъ наконецъ, вѣритъ,—Вольтеръ не могъ быть особенно строгимъ учителемъ въ вопросахъ совѣсти. Не трудно догадаться даже, что именно это отсутствіе строгости и сдѣлало Екатерину «ученицей» Вольтера въ наукѣ «здраваго смысла» и житейскаго благоразумія. Что наука Вольтера была собственно другая, а здравый смыслъ былъ въ ней только орудіемъ и методомъ,—на это императрица какъ-то не обратила особыго вниманія. Она знала, конечно, что говоря съ Вольтеромъ, надо было почаше упоминать о терпимости и порицать суевѣrie. Но эти лозунги, опасные для ихъ защитниковъ въ странѣ католицизма,—въ петровской Россіи разумѣлись сами собой (ср. стр. 218): здѣсь гораздо труд-

нѣе было бы защищать нетерпимость и традиционную вѣру. Такимъ образомъ, послѣ пятнадцатилѣтней переписки императрица все еще не совсѣмъ ясно понимала, съ кѣмъ она имѣла дѣло: смерть Вольтера лишила ее только «божества смѣха». Пораженная началомъ французской революціи, Екатерина упорно ставитъ революціонерамъ въ укоръ своего «учителя», такъ мило, такъ весело и беззаботно умѣвшаго щутить съ серьезными вещами въ хорошей компаніи: не безтактно ли было со стороны этихъ «сапожниковъ и башмачниковъ» вынести пикантные разговоры своихъ «лучшихъ писателей» изъ салона на улицу? И только убѣжденная, наконецъ, неумолимой логикой событий въ тожествѣ слова и дѣла, Екатерина велитъ вынести бюстъ своего «учителя»— последній по очереди—изъ галлереи Эрмитажа.

Характеръ письменныхъ сношеній Екатерины съ Вольтеромъ ничѣмъ не предвѣщалъ такого плачевнаго конца. Это были отношенія самыя прочныя и ровныя, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ были основаны на расчетѣ. У семидесятилѣтняго философа и тридцатипятилѣтней дебютантки оказалось слишкомъ достаточно жизненного опыта и разочарованій въ прошломъ, чтобы не питать взаимныхъ иллюзій и съ полуслова понять, что каждому нужно отъ другого. Въ интимной перепискѣ съ Даламберомъ Вольтеръ признавалъ, что «философіи не приходится особенно хвалиться такими ученицами», какъ «прекрасная Катѣ». Но, что дѣлать, покровительство императрицы поднимало его престижъ въ Европѣ, и Вольтеръ безъ зазрѣнія совѣсти возвеличиваетъ Екатерину надъ Солономъ и Ликургомъ, превозносить ея душу и умъ, восторгается ея мудрыми законами и блестящими празднествами, даже воспѣваетъ ея ручки и ножки. Съ своей стороны, и Екатерина приходитъ въ страхъ при мысли, что Вольтеръ можетъ поймать ее на словѣ и пріѣхать къ ней въ гости въ Россію; она спѣшитъ увѣритъ его, что «Катѣ хороша только издали». Но изъ этого прекраснаго далека она искусно эксплуатируетъ перо Вольтера для офиціозныхъ сообщеній по адресу Европы. Балансъ выгодъ скорѣе былъ на сторонѣ императрицы, чѣмъ на сторонѣ писателя.

Труднѣе рѣшить, была ли Екатерина *съ самого начала* своей карьеры такимъ политикомъ въ своихъ отношеніяхъ къ представителямъ критическихъ идей? Косвенный отвѣтъ на это можно, правда, найти въ томъ обстоятельствѣ, что она вообще очень рано сдѣлалась политикомъ. Припомните ея признанія въ «Мемуарахъ», что еще великой княгиней она поставила себѣ за правило за всѣми ухаживать, чтобы въ каждомъ имѣть союзника на случай нужды. Но именно къ Вольтеру ея отношение нѣсколько иное, такъ какъ ему она обязана отчасти и самымъ этимъ правиломъ. Прежде чѣмъ ей пришлось искать въ Вольтерѣ союзника, она нашла въ немъ учителя въ искусствѣ нравиться. На этомъ развился и ея интересъ къ серьезному чтенію. Въ Вольтерѣ и Тацитѣ ее увлекли, прежде всего, уроки эмпирической

психології, совпадавшій съ ея собственными наблюденіями надъ мотивами человѣческихъ поступковъ. «Я начала видѣть вещи въ болѣе мрачномъ свѣтѣ и научилась искать для всего, что проходило передъ моими глазами, болѣе глубокихъ объясненій въ различіи интересовъ». Такъ резюмируетъ сама императрица практическій итогъ своего серьезнаго чтенія. Изъ ироніи Вольтера и Тацита она, очевидно, вывела мораль Ларопфуко.

Несомнѣнно, Екатерина разумѣла именно это и была совершенно искрѣна, когда признавала, что Вольтеръ научилъ ее читать и думать и имѣть на нее огромное вліяніе въ периодъ, когда формировался ея умъ и характеръ. Вотъ почему въ свои отношенія къ Вольтеру—и только къ нему одному—она внесла на первыхъ порахъ робость и нерѣшительность ученицы и серьезно искала его одобренія. Только получивъ это одобрение слишкомъ легко и незаслуженно, она поняла ему дѣну. Это былъ для нея первый урокъ презрѣнія въ «философіи» и философамъ. «Учитель» послѣ того пересталъ импонировать; но король европейскаго общественнаго мнѣнія и «забавникъ»—сохранилъ симпатіи императрицы.

Вопросъ о вліяніи на Екатерину самыхъ *идей* «просвѣтительной» философіи ея времени гораздо сложнѣе вопроса о ея личныхъ отношеніяхъ къ «философамъ». Несомнѣнно, прежде всего, что ранній пессимизмъ по отношенію къ людямъ у нея долгое время совмѣщается съ оптимизмомъ по отношенію къ идеямъ. Почему, извѣрившись въ людей, Екатерина продолжаетъ вѣрить въ идеи,—это намъ предстоитъ объяснить; но фактъ тотъ, что она въ нихъ, дѣйствительно, вѣритъ и готова сообразовать съ ними свое поведеніе. Возражать на это ссылкой на самый ранній примѣръ противорѣчія между «принципами» и поведеніемъ Екатерины,—на ея двусмысленное положеніе между Вольтеромъ и православной религіей, было бы совершенно неосновательно. Въ этомъ случаѣ противорѣчіе «интереса» съ принципами всего легче разрѣшалось самой усвоенной ею философіей. Развѣ не была самая перемѣна вѣры доказательствомъ свободы отъ «суевѣрія», въ которомъ погрязъ старый протестантъ, отецъ Екатерины? И развѣ не утверждалъ съ другой стороны самъ Вольтеръ, что всякий владѣлецъ пяти или шестисотъ крестьянъ долженъ признать необходимость религії вѣчныхъ муکъ и воздаяній за гробомъ? Очевидно, учитель и ученица вполнѣ сходились въ одѣнкѣ какъ соціального значенія религіи, такъ и того, что на языке Екатерины называлось «шомеріес».

Въ дѣлахъ государственного управлениія было, конечно, не такъ легко привести въ гармонію «принципы» съ «интересами». Историки Екатерины обратили вниманіе на сентенцію въ словарѣ Бейля, которая, по ихъ соображеніямъ, должна была запасть въ душу будущей императрицы: «правила государственного искусства противоположны строгой честности». Изъ собственныхъ набросковъ Екатерины, когда

она была еще великой княгиней, мы знаемъ, однако, что съ этой сен-тенцией Екатерина не хотѣла мириться и поставила себѣ прямою цѣлью— примирить честность съ политикой. Средство для этого она нашла въ той идеѣ, что быть честнымъ — всего лучше для собственной выгода го-сударя. Идея о выгодности хорошихъ принциповъ проходитъ брас-ной нитью въ этихъ интересныхъ замѣткахъ, рисующихъ намъ вели-кую княгиню со всѣми ея сильными и слабыми сторонами, соверше-ниемъ же, какія характеризуютъ впослѣдствіи императрицу. Тутъ на-ходимъ въ совершенно отчетливой, сознательной формѣ и всѣ правила будущаго царствованія. Го-сударь долженъ, по мнѣнію Екатерины въ этихъ замѣткахъ, дѣлать благодѣянія и любить истину, такъ какъ это «сдѣлаетъ его пріятнымъ для Бога и людей». Онъ долженъ заботиться о славѣ страны, потому что это его собственная слава. Онъ долженъ сдѣ-лать вѣльможъ и приближенныхъ довольными и богатыми, потому что отъ этого зависитъ его собственное величіе. Онъ долженъ открыто заяв-лять свои дѣли, «если правда и разумъ на его сторонѣ», такъ какъ эти резоны, навѣрно, «возьмутъ верхъ въ глазахъ толпы». Онъ долж-енъ заранѣе разгласить о законѣ, который собирается издать, и послѣ прислушаться къ общественнымъ толкамъ по этому поводу, чтобы законъ вышелъ удаченъ и не пришлось его отменять. Придвор-ныхъ надо заставить изъ лести говорить правду, сдѣлавъ ее вы-годной, такъ какъ иначе го-сударь рискуетъ быть обманутымъ: са-мое унизительное положеніе, какое только можетъ себѣ представить Екатерина.

Нельзя, однако, съ выбранной точки зре-нія отрицать одного: воз-можности, что «принципы» съ «интересами» разойдутся и понадобится правило Бейля. Тѣ же наброски карандашомъ предвидятъ два такихъ случая.—какъ разъ тѣ самые, въ которыхъ Екатерину всего строже осудило потомство. Въ одномъ изъ нихъ, въ главномъ вопросѣ своей внутренней политики, Екатерина уже тогда ясно понимала всю труд-ность своего положенія, но еще надѣялась на возможность компро-мисса. «Противно христіанской религіи и справедливости дѣлать лю-дей (которые всѣ родятся свободными) рабами. Соборъ освободилъ въ Германіи, Франціи, Испаніи и т. д. всѣхъ крестьянъ (прежде быв-шихъ крѣпостными). Устроить подобный же крутой переворотъ бы-бы плохимъ способомъ заслужить любовь землевладѣльцевъ, которые полны упорства и предразсудковъ («къ тому же,—признается Екате-рина,—хотя я и освободилась отъ предразсудковъ и обладаю скла-домъ ума отъ природы философскимъ, но чувствую, однако, сильную склонность уважать древнія фамиліи»). Но вотъ легкое (Екатерина еще мало знакома съ юриспруденціей) средство: постановить, что при всякой продажѣ помѣстья новому владѣльцу рабы объявляются сво-бодными. Въ сто лѣтъ всѣ или большая часть земель мѣняютъ вла-дѣльцевъ: вотъ, народъ и свободенъ».

Въ другомъ затруднительномъ случаѣ — изъ области вѣшней политики, Екатерина, очевидно, скорѣе готова склониться въ сторону «интересовъ». «Говорять, что во всякомъ дѣлѣ бываетъ два возможныхъ исхода: справедливый или несправедливый; обыкновенно, выгода склоняетъ къ несправедливости. Въ курляндскомъ вопросѣ справедливость требовала отдать дѣтямъ Бирона то, что дать имъ Богъ и природа. Если же хотѣли соблюсти выгоду, сдѣдовало (конечно, несправедливо) оставить Курляндію за собой, отнять ее у Польши и присоединить къ Россіи. Кто бы могъ угадать, что найдется еще третій способъ: сдѣлать несправедливость безъ всякой выгоды? Курляндію отдали саксонскому принцу и тѣмъ усилили короля польскаго... Неужели, спрашивается, могущественный сосѣдъ выгоднѣе для Россіи, чѣмъ счастливая анархія, въ которой находится Польша и благодаря которой мы въ ней хозяйстваемъ, какъ хотимъ?.. Если ужъ хочешь быть несправедливымъ, такъ надо извлечь изъ этого выгоду».

Итакъ, вѣра въ «приложимость» общихъ принциповъ къ жизни основывалась у Екатерины на убѣждѣніи, что, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, приложеніе хорошихъ принциповъ — выгодно. Екатерина отдавалась идеальному руководству, по ея собственному выраженію въ тѣхъ же наброскахъ, «съ открытыми глазами» и подъ условіемъ, что это идеальное руководство не только не противорѣчитъ, а, напротивъ, совпадаетъ съ ея личными «интересами». Не совпадетъ оно — и Екатерина заранѣе высказываетъ готовность отъ него отказаться. Такимъ образомъ, если трезвость въ отношеніяхъ къ идеямъ и измѣняла Екатеринѣ, то, во всякомъ случаѣ, не на этомъ пунктѣ, не въ разсчетѣ выгоды, — а въ вопросѣ объ «осуществимости» идеи, предполагая ее полезной.

Во взглядѣ на осуществимость идеи Екатерина оказывалась docherью своего времени, фанатикомъ своего положенія и жертвой своего темперамента. Мысль о всемогуществѣ мудраго законодателя была одной изъ основныхъ аксиомъ просвѣтительнаго вѣка. Но у Екатерины эта мысль была не простою данью времени. Она неразрывно связана у ней съ увѣренностью во всемогуществѣ русскаго государя. «Что можетъ противиться безграницной власти абсолютнаго монарха, управляющаго единственнымъ народомъ», спрашивается она въ тѣхъ же наброскахъ великой княгини. Съ этой идеей Екатерина приѣхала въ Россію, съ нею она сознательно и терпѣливо пробивала себѣ путь къ престолу. Дойдя до цѣли, она смѣло положила руку на механизмъ, издалека манившій своей громадностью ея славолюбіе и властолюбіе.

Она надѣялась проводить на этомъ мѣстѣ «хорошіе и вѣрвые принципы». Чтобы провести ихъ, ей нужно именно это мѣсто. Но на такомъ мѣстѣ такие принципы могла осуществить лишь «нatura одаренная отъ природы полезными дарованіями»; другой быть было только

«смѣшонъ» тамъ, гдѣ подобная натура могла бы себѣ составить «блестящую карьеру». Мы цитируемъ здѣсь все тѣ же легучіе наброски: Екатерина уже при Елизаветѣ только себя считаетъ достойной иносительницей великихъ идей на высокомъ мѣстѣ. Вѣра въ силу идеи и въ безграничное могущество положенія. въ свою очередь, неразрывно связана у ней съ вѣрой въ себя: въ собственной психологіи она почерпнетъ то, чего не хватятъ въ другихъ источникахъ вѣры.

Французскій посланникъ Лопиталь еще при Елизаветѣ находилъ, что у Екатерины «горячая голова». Можно бы было подчеркнуть: именно «голова», а не «сердце», воображеніе, а не чувство. Екатерина, повидимому, и сама была совершенно согласна съ этимъ определеніемъ своей «преобладающей способности». Разъ въ ея присутствіи зашелъ разговоръ, чѣмъ бы могла она быть, если бы была частнымъ человѣкомъ и мужчиной. Дипломаты наперерывъ прочили ею, кто въ министры, кто въ полководцы. Императрица рѣшила: «Всѣ вы описываетесь; я знаю свою горячую голову; я бы всѣмъ рискнула для славы и въ чинѣ поручика въ первую же кампанію не снесла бы головы». Вместо всѣхъ достоинствъ, которыми надѣялась ее Гриммъ въ 1774 году, Екатерина признала за собой одно, благодаря которому она «чего-нибудь стоитъ»: «умѣніе страшно хотѣть того, чего она хочетъ». «Нужно быть твердой въ своихъ рѣшеніяхъ,—говорить она въ другой разъ,—лучше сдѣлать дурно, чѣмъ мѣнять мнѣніе: нерѣшительны бывають только дураки».

Нельзя сказать, чтобы Екатерина не сознавала опасности такого темперамента въ правителѣ. «Удача для ума то же, что молодость для темперамента,—находимъ мы въ тѣхъ же наброскахъ:—она приводить въ дѣйствіе всѣ страсти. Счастливъ, кто не допустить себя увлечься этимъ потокомъ». Въ послѣднихъ словахъ слышится какъ бы опасеніе—весьма основательное, какъ показало время, — что сама Екатерина въ такомъ положеніи не сумѣеть сдержаться. Но она знаетъ свои слабыя стороны—и, какъ политикъ, прежде всего, и изъ нихъ хочетъ извлечь выгоду, разъ невозможно ихъ уничтожить. Увлеченіе неизбѣжно, но увлеченіе есть тоже сила. За недостаткомъ подлинной силы, самоувѣренность можетъ ее до иѣкоторой степени замѣнить. «Могу поздравить себя съ началомъ популярности»,—записываетъ она при Елизаветѣ.—«Я не должна, конечно, ей довѣрять, несмотря на внѣшніе знаки; но это не помѣшаетъ мнѣ дѣйствовать такъ, какъ будто бы я была въ ней увѣрена. Меня хвалятъ лишь тогда и постолку, поскольку недовольны великимъ княземъ; я слишкомъ еще молода, чтобы меня любили; но я должна дѣйствовать такъ, какъ будто бы вѣрила, что меня любятъ». Мы видимъ: тутъ полная программа политики, почерпающей силу изъ внѣшнаго вида успѣха.

При такой сложности натуры Екатерины, очевидно, очень трудно различить въ каждомъ отдельномъ случаѣ, гдѣ кончается у ней убѣж-

деніе и начинается политика. Всего вѣрнѣе будетъ, можетъ быть, принять, что политика у нея вездѣ, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ пружинами ея политики служатъ убѣжденія, которыхъ она считаетъ вѣрными и выгодными.

Во всякомъ случаѣ, эту политику Екатерина будетъ примѣнять сама, своимъ умомъ и по собственной инициативѣ. Въ дѣлѣ, которое должно было послужить пьедесталомъ для ея славы, Екатерина не признаетъ предшественниковъ и сотрудниковъ. Она — вторая только послѣ «перваго» Петра; но въ своемъ дѣлѣ она первая и единственная. Она пишетъ въ своемъ Наказѣ эти рискованныя слова, такъ усердно цитировавшіяся депутатами комиссіи: «Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства бытъ какой народъ больше справедливъ и, следовательно, больше прощающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю». Еще ярче это настроеніе Екатерины подчеркивается современной аллегорической гравюрой по поводу изданія Наказа. Въ центрѣ картины, на возвышеніи, стоитъ Екатерина въ спокойной, увѣренной позѣ, совсѣмъ не напоминающей того «курпъ-галопа», которымъ, по шутливому выраженію ея «Записокъ», она должна была выступать въ первые годы царствованія между охаждющимъ скептицизмомъ Панина и бурными поспиреніями Григорія Орлова. Мѣсто обоихъ по сторонамъ Екатерины заняли въ аллегоріи Минерва и юный Марсъ, попирающій пятой закованного въ цѣпи врага. Подъ ногами императрицы копошится народъ: море головъ, жаждущихъ взглянуть на Екатерину, смотрящихъ на нее съ выраженіемъ любви и надежды, спѣшащихъ запечатлѣть въ памяти золотыя строки раскрытаго передъ ними Наказа. Въ сторонѣ, надъ тѣмъ же моремъ головъ поднимается пирамида, на которой «блаженство каждого и всѣхъ» датировано 1766 годомъ и которая увѣнчивается императорской короной *). Въ сравненіи съ этой пирамидой статуя какого-то древняго законодателя, стоящаго на вершинѣ колонны позади пирамиды, кажется совсѣмъ маленькой. Наконецъ, вверху, въ облакахъ дыма, крылатая фигура славы уже спѣшить разнести по свѣту благую вѣсть о новой эрѣ «блаженства всѣхъ и каждого», датированной 1766 годомъ.

Основная идея аллегоріи ясна. Екатеринѣ «посчастливилось найти хорошие и вѣрные принципы», но эти принципы осуществляются потому что Екатерина ихъ проводить. И если ей придется впослѣдствіи признаться, что принципы остались неосуществленными, она ни минуты не подумаетъ усомниться въ принципахъ или въ собственной силѣ осуществить ихъ. По крайней мѣрѣ, она въ этомъ никогда не признается открыто и сложить вину на другихъ. «Мое честолюбіе не было дурно, но, быть можетъ, я слишкомъ много взяла на себя, повѣривъ, что люди могутъ сдѣлаться разумными, справедливыми и счастливыми».

*) Эта эмблема изображена была п на жетонахъ, розданныхъ депутатамъ.

Одного только Екатерина не могла допустить: что люди могут сдѣлаться разумны, справедливы и счастливы по какой-нибудь другой системѣ, исключая ея собственной. и особенно по такой системѣ, которая допускаетъ возможность для нихъ достигнуть этой цѣли своими собственными средствами. Реформаторская роль Екатерины представлялась ей по существу своему совершенно личной. Это опредѣлило и ея отношение ко всемъ современнымъ ей системамъ, исходившимъ изъ принципа самодѣятельности. Такихъ системъ было двѣ въ Россіи во время Екатерины. Обѣ онѣ обозначились достаточно ясно уже въ «внѣшніи» молодого поколѣнія, выросшаго ко времени воцаренія императрицы. Одна была извѣстная намъ теорія естественного права, которая скоро могла спровоцировать полувѣковой юбилей не только существованія, но непрерывнаго академическаго преподаванія въ Россіи. Со временеми Гросса, учившаго естественному праву Кантемира въ Академическомъ университѣтѣ, рядъ поколѣній слушалъ эту науку у Штулага въ Шляхетскомъ корпусѣ, у Дильтея и Лангера въ Московскомъ университѣтѣ. Но человѣкъ изъ «порядочнаго общества» не обязанъ быть «прочесть всѣ книги и прилежно учиться всему, чему учатъ въ школахъ»: съ него было довольно «природнаго здраваго смысла». Мы сейчасъ увидимъ, какъ отнеслась Екатерина къ теоріи естественного права, на примѣрѣ Беккаріа. Отношеніе ея къ другой системѣ принципіальныхъ взглядовъ, явившейся въ Россіи позднѣе, но тоже до нея и независимо отъ нея, къ религіозно-нравственному міросозерцанію масонства, было еще болѣе отрицательнымъ и поверхностнымъ, какъ увидимъ впослѣдствії. Если на первыхъ же порахъ не вышло никакихъ рѣзкихъ столкновеній между императрицей и представителями обоихъ цѣльныхъ воззрѣній; то лишь потому, что сами эти представители въ первомъ поколѣніи оказались не такими яркими и послѣдовательными, какъ того требовалъ смыслъ ихъ теорій. Мы знакомы уже немного съ литературнымъ дебютомъ этой молодежи, перешедшей отъ естественного права къ масонству (выше, 244—5). Скоро мы встрѣтимся съ нею опять и поймемъ, почему она такъ быстро и безслѣдно сошла съ общественной арены (см. ниже, стр. 263, 273).

Мы поймемъ теперь и то, какъ должна была отнестись Екатерина къ знаменитому сопернику Вольтера,—къ Руссо, господствовавшему обновленной имъ системой общественного договора въ тогданшней науکѣ естественного права. Для любимаго персонажа XVIII вѣка, мудраго законодателя, въ этой системѣ быть оставленъ слишкомъ тѣсный уголокъ. На личные сношенія съ несимпатичнымъ философомъ Екатерина не рѣшилась, а отъ приглашенія Григорія Орлова—поселиться въ его помѣстии, нелюдимый мыслитель отказался. Тѣмъ и кончились отношения его къ Россіи. За то горячemu поклоннику «великаго человѣка, благодѣтельствующаго человѣчеству, которое его гонитъ»,—юристу Беккаріа выпалъ на долю громкій успѣхъ въ Россіи.

На этомъ эпизодѣ надо остановиться нѣсколько подробнѣе. Книжка Беккаріа появилась какъ разъ въ то время, когда Екатерина компилировала свой Наказъ: изъ ея источниковъ это былъ едва ли не единственный, въ которомъ Екатерина могла уловить ноты, совершенно чуждыя салонной корректности ея любимыхъ руководителей. Но Беккаріа былъ усерднымъ почитателемъ одного изъ нихъ (Монтескье); онъ нуженъ былъ Екатеринѣ, такъ какъ у него она могла заимствовать характеристику будущаго гуманнаго суда. Тѣмъ любопытнѣе слѣдить, съ какой тщательностью устраниены изъ заимствованнаго текста всѣ черты, которыя ставятъ Беккаріа въ ряды поклонниковъ Руссо. Читая Наказъ, никакъ нельзя догадаться, что тутъ не хватаетъ основного нерва всѣхъ разсужденій Беккаріа. По его теоріи общественнаго договора, этимъ договоромъ ограждаетъ себя обыкновенно меньшинство отъ большинства, и нужны вѣка страданій и бѣдствій, чтобы договоръ могъ быть перестроенъ въ пользу обдѣленнаго большинства. Мыслитель, опережая свой вѣкъ, открываетъ этотъ коренной недостатокъ закона, состоящій въ его покровительствѣ привилегированному меньшинству; просвѣщенный государь можетъ услышать голосъ мыслителя, воспользовавшися своей силой въ интересахъ большинства и тѣмъ предвосхитить результатъ естественнаго историческаго развитія. «Мы предоставляемъ обыкновенно развитіе важнѣйшихъ постановленій или просто теченію времени, или же благоусмотрѣнію тѣхъ именно лицъ которыя возстаютъ противъ введенія мудрыхъ законовъ. Послѣдніе имѣютъ цѣлью, по самому существу своему, сдѣлать благоденствие всеобщимъ, тогда какъ меньшинство стремится къ тому, чтобы удержать полное могущество и блаженство за собою, не удѣливъ другимъ ничего, кромеъ безсилія и нищеты. Поэтому, только перейдя черезъ тысячи ошибокъ въ задачахъ, разрѣшающихъ самыя существенные условія жизни и свободы, послѣ утомительныхъ страданій, порожденныхъ зломъ, дошедшімъ до крайности, мы приступаемъ къ исправленію гнетущихъ насть безпорядковъ; только тогда начинаемъ мы сознавать тѣ осознательныя истины, которыя, именно по своей простотѣ, ускользаютъ отъ вниманія людей недоразвитыхъ... Откроемъ книгу исторіи, и мы увидимъ, что законы, которые въ сущности составляютъ и должны составлять не что иное, какъ договоръ свободныхъ лицъ, всегда были или орудіемъ страстей немногихъ, или же являлись результатомъ случайной и мимолетной необходимости. Они вовсе не были плодомъ спокойнаго изслѣдованія человѣческой природы, стремящейся къ тому, чтобы мы сознали, что задача нашей жизни есть предоставление высшаго благосостоянія наибольшему числу людей. Счастливы тѣ немногія государства, которыя не ожидали, чтобы медленное движение взаимныхъ общечеловѣческихъ отношеній и превратностей жизни повлекло за собой сначала господство зла, а потомъ уже и постепенное развитіе добра, но ускоряли мудрыми законами

водвореніе добра; и всеобщаго уваженія заслуживаетъ философъ, имѣвшій дерзость изъ глубины своего незамѣтнаго и даже пренебрегаемаго кабинета бросить въ массу людей первыя сѣмена полезной истины, которыя долго еще будуть оставаться безплодными».

Оказалось не трудно превратить эту пламенную рѣчь о вѣковыхъ препятствіяхъ къ сознательной общественной жизни въ безобидное «блаженство всѣхъ и каждого», декретируемое немедленно. Нужно было только отбросить исходныя точки и основные принципы разсужденія Беккариа, затушевать его конкретныя историческія наблюденія, и мы получимъ исправленный текстъ екатерининскаго Наказа. Вотъ какъ производилось это исправленіе (Екатериной или ея совѣтниками?):

Наказъ.

Право давать законы о наказаніяхъ имѣть только одинъ законодатель. какъ представляющій въ своей особѣ все общество соединенное и содержащій всю власть въ своихъ рукахъ.

Беззаконныя предприятия противу жизни и вольности гражданина суть изъ числа самыхъ великихъ преступлений: и подъ симъ именемъ заключаются не только смертоубийства, учиненные людьми изъ народа; но и того же рода насилия, сдѣланныя особыми, какого бы происшествія и достоинства они ни были.

долгѣ, и поставляя на ихъ мѣсто право сильнаго... Нѣть свободы тамъ, гдѣ законы дозволяютъ, чтобы человѣкъ пересталъ быть, при иѣкоторыхъ обстоятельствахъ, лицомъ и превратился бы въ вещь: въ такомъ случаѣ сильные люди употребили бы все свое пронырство, чтобы изъ множества гражданскихъ отношеній извлечь только тѣ, которыхъ установлены закономъ въ ихъ пользу. Достигнуть этой цѣли, значитъ открыть волшебный жезлъ, превращающій гражданъ во вьючныхъ скотовъ; въ рукахъ сильнаго этотъ жезлъ есть цѣль, сковывающая дѣйствія людей слабыхъ. Вотъ почему въ иѣкоторыхъ государствахъ, пользующихся, повидимому, полной свободой, скрывается господство силы, или же она врывается непредвидѣнно въ какой-нибудь забытый законодателемъ уголокъ, гдѣ незамѣтно развивается... Привилегии дворянъ составляютъ большую часть законовъ въ разныхъ государствахъ. Я здѣсь не буду разбирать, полезно ли для правительства это наслѣдственное разделеніе дворянства и народа и необходимо ли оно въ монархіи: правда ли, что дворянство составляетъ среднюю власть, ограничивающую злоупотребленія двухъ крайнихъ (все это мнѣнія Монтескье)... Если даже справедливо, что неравенство незбѣжно для общества, то справедливо ли, чтобы оно выражалось въ различіи группъ, а не отдельныхъ личностей; чтобы оно сосредоточивалось въ одной части государства, а не пронизывало его насквозь, чтобы оно безпрерывно продолжалось, а не рождалось и уничтожалось поминутно *)?

Беккариа

Право устанавливать эти законы принадлежитъ исключительно законодателю, представляющему собою все общество, связанное взаимнымъ договоромъ.

Къ этому роду преступлений (покушение на безопасность и свободу гражданъ) относится не только убийство и кража, совершаемыя простонародье, но также совершаемыя вельможами и судьями, влияние которыхъ дѣйствуетъ на большемъ пространствѣ и съ большою силою, разрушая между подданными всѣ понятія о справедливости и

*) Эту точку вѣрнія открыто защищали въ засѣданіяхъ Екатерининской комиссіи иѣкоторые депутаты (особенно городской дерптскій—Урсинусъ).

Можетъ быть, это и были тѣ axiomes à renverser les murailles, которыя вычеркнуты совѣтниками Екатерины изъ окончательной редакціи Наказа. Наша домашняя теорія естественнааго права уже освоилась съ этими жгучими темами и давала на нихъ болѣе или менѣе невинные отвѣты. Упоминавшееся выше руководство Золотницкаго, напр. совершенно спокойно разсуждало о «домовомъ подданствѣ» «совершенномъ» и «несовершенномъ», легко находя первому «мѣсто въ самомъ натуральномъ состояніи» и колеблясь только относительно второго, которое, какъ будто, «въ натуральномъ состояніи изъ начала простого общества не явствуетъ, по причинѣ всѣмъ свойственнааго общаго равенства». Но и общее равенство не мѣшало выводить изъ «натурального состоянія» происхожденіе сословныхъ привилегій. «Хотя всѣ люди въ натуральномъ состояніи между собою равны, однако, не всѣ достойны равнаго мнѣнія, чести и похвалы. Ибо равными только для того называются, что имѣютъ одни права и обязательства, но не всяки имѣеть тѣ совершенства, отъ которыхъ достоинство мнѣнія, чести и похвалы зависитъ».

Въ предполагавшемся собраніи депутатовъ всѣ эти деликатные вопросы, поставленные жизнью, но замалчиваемые политикой и школьной теоріей, должны были выплыть наружу. Но безъ собранія депутатовъ нельзя было обойтись. Екатерина только что считала необходимымъ разглашать «на рынкахъ» проекты законовъ, претендовавшихъ на долговѣчность; она только что прочла у Беккаріа прозрачный намекъ, что «счастливо было бы человѣчество, если бы сразу ему были предписаны законы монархами, которыхъ мы теперь видимъ на престолахъ Европы», и что при этомъ слѣдовало бы выслушать «всегда откровенный голосъ народа», заглушаемый второстепенными чиновниками, «болѣе жестокими, потому что менѣе обеспечены» (мысль объ этомъ «средостѣніи» особенно понравилась императрицѣ, см. Наказъ). «Философски» настроенная Екатерина не могла, наконецъ, оставаться позади своихъ предшественниковъ на престолѣ, поддерживавшихъ безъ всякихъ теорій традицію XVII вѣка: вызывать для составленія Уложенія депутатовъ отъ разныхъ сословій. Безконечныя комиссіи, тщетно решали всю первую половину вѣка эту непосильную задачу. Послѣдняя изъ нихъ (1754), послѣ безплодныхъ усилий—заставить работать на себя канцеляріи присутственныхъ мѣстъ—сама пришла (1761) къ мысли подкрѣпить себя, «по примѣру прежде сочиненнаго въ 1649 году Уложенія», выборными отъ дворянъ и купцовъ. Въ первой половинѣ вѣка все попытки этого рода (1722, 1728, 1730) потерпѣли неудачу: вместо «добрыхъ и знающихъ людей» провинція посыпала въ Петербургъ старыхъ иувѣчныхъ,—отчасти потому, что формально относились къ требованіямъ правительства и смотрѣла на посыпку депутатовъ, какъ на досадную повинность, отчасти же потому, что подходящихъ людей и не было среди помѣщиковъ, оставшихся жить въ своихъ деревенькахъ по истории русской культуры. ч. III-я, в. 2.

няхъ (стр. 196, 215). Въ срединѣ вѣка провинціальное общество все еще не сложилось: оно появилось лишь въ результаѣ сословныхъ успѣховъ въ вѣкъ Екатерины. Но въ прѣвінцію все-таки чаще стали заглядывать офицеры, побывавшіе заграницей (въ Семилѣтнюю войну), получившіеся въ школѣ. Кроме столичныхъ модъ и вольныхъ нравовъ они завозили съ собой иной разъ и печатную книжку, и темы для «ученыхъ и важныхъ разговоровъ» о поэзіи, о литературѣ, словомъ, о болѣе или менѣе отвлеченныхъ предметахъ. Назначая въ 1761 г. выборы депутатовъ въ комиссію 1754 года сенатъ счелъ возможнымъ заговорить съ провинціальными избирателями совершенно необычнымъ до тѣхъ поръ языкомъ: работа надъ уложеніемъ не есть повинность, а общественный долгъ. «Какъ сочиненіе Уложенія для управлениія всего государства весьма нужно, следствіено всего общества и трудъ въ совѣтахъ быть къ тому потребенъ; и потому всякаго сына отечества долгъ есть совѣтомъ и дѣломъ въ томъ помогать». Сенатъ надѣется, что избранные не только не откажутся, но охотно понесутъ «всѣ затрудненія и убытки», и не для того только, чтобы «получить награжденіе за излишае труды», но и «чая незабвенную въ будуще роды о себѣ оставить память». Это — языкъ Екатерининской комиссіи.

Приглашенные Елизаветой депутаты начали работать уже при Екатеринѣ: къ двумъ составленнымъ канцелярскимъ путемъ (1755) главамъ законопроекта (судебные и уголовные законы: послѣдніе, по преданію, поразили Елизавету своей жестокостью и удержали ее отъ подписанія проекта) они прибавили третью — о правахъ сословій, во многомъ сходную съ депутатскими наказами и съ выработанными Екатерининской комиссіей законопроектами о сословіяхъ. Теперь, эти депутаты и комиссія должны были уступить мѣсто Екатерининскимъ.

Такимъ образомъ, и цѣль (кодификація), и средство (участіе выборныхъ), и даже общее направлениѣ работы (реформа уголовнаго законодательства въ гуманномъ и сословнаго въ дворянскомъ духѣ) — все это Екатерина получила готовымъ отъ своей предшественницы. Если, тѣмъ не менѣе, она говорила и думала, что затѣваетъ нечто, совершенно новое и до сихъ поръ небывалое, то это нельзя объяснить только какъ сознательный обманъ изъ самолюбія или какъ добросовѣстное заблужденіе по незнанію предедентовъ, намъ теперь лучше известныхъ. Екатерина могла дѣйствительно утверждать, что открываетъ совершенно новый путь, — и не потому, что она провозглашала, «блаженство всѣхъ и каждого», какъ высшую задачу законодательства: такого рода утвержденія можно, пожалуй, услыхать и отъ власти, собиравшей земскіе соборы XVII вѣка (и тогда выборные отъ всей земли должны были разсказать «всякія ихъ нужды и тѣсноты... и размышиляти ко всему добрѣ, чтобы всѣ люди государства жили въ покой и въ радости»); но свое законодательство она впервые хотѣла

основать на сознательной теорії, на той «истинѣ», которая «свѣтитъ какъ молнія среди продолжительной и мрачной ночи, удручающей людей», по счастливому выражению Беккариа. Каковы бы ни были личные мотивы молодой государыни, искала ли она «любви» или «славы» въ «довѣріи народа».—мы можемъ повѣрить, что ея сердце билое сильнѣе, когда у того же Беккариа она читала эти строки: «слово мудреца слишкомъ слабо, чтобы противостоять гвалту и крикамъ людей руководимыхъ слѣпою привычкой...; (но) если бы птица могла, несмотря на безконечныя препятствія, которыхъ удаляютъ ее отъ монарха, даже противъ его воли.—достигнуть до его престола, онъ долженъ понять, что сна высказываетъ ему тайныя желанія всего народа: онъ долженъ понять что слава его заглушить кровавую славу завоевателей и что справедливое потомство поставитъ его выше миролюбивыхъ Титовъ, Антониновъ и Траяновъ». «Слово мудреца» дошло до престола Екатерины; до него дойдутъ и «тайныя желанія народа». Екатерина была права; это было «не дурное честолюбіе»: поставить пирамиду своего законодательства выше траяновой колонны.

Наказы, привезенные съ собой депутатами изъ провинціи, свели Екатерину съ ея неба на землю. На этой землѣ она все прочнѣе укрѣплялась, по мѣрѣ того, какъ развертывалась передъ ней поставленная ею пьеса. Прошло немного времени, и Наказъ началъ ей представляться «болтовней»; этой болтовней она предпочитала трезвое, дѣловое содержаніе «Учрежденія о губерніяхъ». Какую роль сыграли въ этомъ переворотѣ депутатскіе Наказы, и дѣятельность созванной Екатериной комиссіи?

Перечитывая эти наказы теперь, мы можемъ сами видѣть, что они развернули передъ Екатериной, дѣйствительно, ужасающую картину. Созывая свою Комиссію, она знала людей, но еще не знала Россіи. Россію заслонялъ отъ нея небольшой кругъ молодого дворянства, болѣе или менѣе проникнутаго или способнаго проникнуться тѣми же теоріями и идеями, какими увлеклась императрица. Въ провинціи люди изъ этого интеллигентнаго круга были случайными гостями. Выбравъ своими депутатами тѣхъ изъ нихъ, которые не попали въ число депутатовъ отъ центральныхъ учрежденій, провинція замаскировала нѣсколько свои естественные взгляды и вкусы, но не могла замаскировать ихъ на долго. Въ наказахъ и преніяхъ—украшенія постепенно отпали, и выступила на первый планъ неприкрашенная дѣятельность. Было бы нелѣпо утверждать, что съ теоріей эта дѣятельность ничего общаго не имѣла: при всѣхъ своихъ недостаткахъ, политическая теорія XVIII вѣка была все-таки достаточно тонка и гибка, чтобы не спасовать передъ объясненiemъ русской дѣятельности. Законодатель-практикъ, прочитавшій всѣ депутатскіе наказы, не могъ бы написать лучшей и болѣе близкой къ жизни страницы, чѣмъ та страница Беккариа (см. стр. 262), которую, именно, въ виду этой чрезмѣрной близости, при-

шлось выкинуть изъ Наказа. Но серьезное приложение такой теории къ практикѣ, требовало гораздо большей ломки, чѣмъ могла предполагать императрица на основании своего знакомства съ придворнымъ кругомъ русского дворянства. Съ энчилѣ кругомъ можно было спокойно говорить о самыхъ страшныхъ вещахъ: мы видѣли, что здѣсь сумѣли, не обижая себя, примирить передовыя теоріи естественного права съ явленіями русской дѣйствительности. Другое дѣло, когда сама эта дѣйствительность заговорила отъ своего лица. Тутъ уже не было мѣста компромиссу: нужно было рѣшаться на выборъ: и выборъ, по условіямъ времени, не могъ быть сомнителенъ.

Что же сказала и обнаружила эта Комиссія, дѣйствительно, молнией среди ночи, освѣтившая современную дѣйствительность и начавшая собой эру, если не «блаженства всѣхъ и каждого», то сознательной общественной жизни въ Россіи?

Наказы показали, прежде всего, что всѣ государственные и общественные успѣхи, достигнутые Россіей въ теченіе вѣковъ, ограничиваются поверхностью и что въ своей глубинѣ эта жизнь недалеко ушла отъ той картины, которую мы видѣли въ памфлете Ивашки Пересвѣтова. До деревни не дошелъ еще ни судъ, ни администрація: учрежденные правительствомъ судебныя и административныя власти въ нее не проникаютъ, и населеніе, безъ различія сословій, стается безъ всякой защиты закона. За отсутствіемъ этой защиты, оръба сильнаго и слабаго ведется здѣсь въ формахъ, свойственныхъ самому примитивному обществу. «Сколько ни предписано законовъ, съ угроженіемъ наихосточайшихъ штрафовъ, но вкоренившаяся междуусобная наглость и самовольство не истребляются, что главнѣйшее зло обществу; ибо сильный безсильнаго, богатый небогатаго, кто съ кого сможетъ, тотъ тою и разоряетъ». «Слабый сильному всегда лучше уступить, нежели начать продолжительное и для себя разорительное дѣло». Подобныя замѣчанія не разъ попадаются въ наказахъ. Противъ этого «главнѣйшаго зла» и направленъ единодушный вопль, который несется изъ провинции въ наказахъ. Провинція жаждетъ получить, прежде всего, судъ и управление, близкое къ населенію и доступное для него. Избиратели хлопочутъ, чтобы имъ дали возможность у себя дома совершать и свидѣтельствовать всяческие документы гражданскаго права, размежевывать своими, мѣстными геодезистами спорныя земли и находить у себя подъ бокомъ, въ ближайшемъ городѣ, нужныя справки въ юридическихъ документахъ, хранившихся до сихъ поръ исключительно въ вотчинномъ архивѣ древней столицы. Дворянство добивается, чтобы мелкая сельская ссоры о потравахъ, порубкахъ и всевозможныхъ захватахъ можно было рѣшать сокращеннымъ словеснымъ судомъ, съ применениемъ немедленного слѣдствія на мѣстѣ, по живымъ слѣдамъ,— такъ какъ, по странному юридическому недоразумѣнію, петровская «форма суда» передвинула судебное слѣдствіе къ концу процесса,— послѣ судебнаго разбирательства.

Население хочетъ также у себя дома учиться, лечиться, пользоваться кредитомъ: оно требуетъ устройства провинциальныхъ школъ, банковъ, аптекъ и докторовъ. Потомъ, почти столь же единодушно, но все-таки на второмъ мѣстѣ сравнительно съ главной насущной потребностью въ близкомъ судѣ и власти,—дворянскіе наказы требуютъ, чтобы этотъ судъ и управлѣніе были устроены на началахъ дворянскаго *выборнаго самоуправления*. Предлагаемыя дворянствомъ формы расходятся между собой; одни желаютъ товарища воеводы сдѣлать выборнымъ, другіе—возобновить для этого должность петровскаго ландрихтера или создать новую должность «опекуна»; треты хотятъ сохранить выбраннаго для баллотированія депутатовъ «предводителя»; четвертые предлагаютъ раздѣлить провинцію на земскіе участки и назначить въ каждомъ «земскихъ судей» съ административно-судебными полномочіями. Одинъ наказъ вспоминаетъ даже губныя учрежденія Грознаго. Собрания дворянъ, для выбора и контроля выборныхъ, для содѣйствія уголовному слѣдствію и преслѣдованію, предполагаются сами собою. Въ нѣкоторыхъ наказахъ дальше этого и не идетъ дворянское классовое самосознаніе. Но чаще встрѣчаемъ признаки того, что уже и провинциальное дворянство, вслѣдъ за столичнымъ, начинаетъ сознавать свое привилегированное положеніе и провикаться корпоративнымъ сословнымъ духомъ. Прежде всего родовое дворянство настойчиво стремится замкнуться отъ нового чиновнаго дворянства петровской табели. Старшая братья не хотеть признавать дворянства по чину, а лишь по диплому (т.-е монаршему пожалованію); она особенно негодуетъ на то, что новые пришельцы «дѣлаютъ дворянству великий подрывъ въ покупкѣ деревень», и набиваются цѣну. Помимо расчета выгода, тутъ однако говорить и новая въ дворянствѣ чувствительность къ вопросамъ сословной чести. Если нѣкоторые избиратели хлопочутъ еще, по старому обычаю, о денежныхъ штрафахъ за дворянское «безчестіе», то другіе уже протестуютъ: «дворянство честь свою съ деньгами равнять не могутъ». Дворяне считаютъ унизительнымъ сидѣть въ одной комнатѣ съ «подлыми» и требуютъ отвода особыхъ помѣщений для себя въ правительственныйыхъ канцеляріяхъ. Во имя того же чувства они протестуютъ противъ осмотровъ на заставахъ, противъ обысковъ и арестовъ въ собственныхъ усадьбахъ. Въ связи съ тѣмъ же сословнымъ духомъ развивается понятіе о почетности и обязательности общественной службы, особенно выборной. Если одни наказы заранѣе хлопочутъ о казеиномъ жалованіи для будущихъ выборныхъ судей, то другіе прямо объявляютъ: «какъ предводитель, такъ и судьи должны служить обществу изъ одного любочестія и для общественной пользы»; въ выборную должность избираются дворяне «не въ службу, но потому только, что всякий сынъ отечества должна сю для общей пользы и покоя исполнить не отречется (ср. стр. 264 указъ сената 1761)». Правда, это пониманіе дѣла, очевидно, внушается сверху. «Не

смотря на чинъ и званіе,—проговаривается одинъ наказъ,—каждый, почитая за необходимость, какъ патріотъ отечества, служить опредѣленное время для общества долженъ,—такъ какъ въ нынѣшнемъ манифестѣ о выборѣ предводителя и депутата предписано».

Гораздо охотнѣе дворянство стремится «отличить» себя отъ прочихъ сословій—расширеніемъ старыхъ привилегій и дарованіемъ новыхъ. Не въ примѣръ другимъ, оно требуетъ освобожденія отъ всѣхъ тѣхъ стѣсненій въ передачѣ владѣльческихъ правъ на крестьянъ и земли, которые еще упѣлѣли отъ старой московской регламентаціи службы; оно желаетъ получить полную свободу завѣщанія, которое, однако, съ точки зрѣнія тогдашняго естественаго права, «едва можетъ почтаться натуральнымъ способомъ переношенія своего владѣнія къ другому». Дворяне хотятъ также освободить свою собственность отъ по-датей и обязательствъ, наложенныхъ новымъ петровскимъ законодательствомъ (ограниченіе правъ на лѣса, минеральныя богатства, вино-курение; налогъ на бани). Особенно же настойчиво хлопочутъ они о запрещеніи другимъ сословіямъ владѣть крѣпостными и о закрѣпленіи за ними самими ихъ крѣпостныхъ новыми строгими мѣрами. Штрафъ за приемъ бѣглыхъ долженъ быть увеличенъ съ 10 до 100 или 200 рублей; правительство должно облегчить преслѣдованіе бѣглыхъ или даже взять его на себя; должно зачтать въ рекруты потерянныхъ и сосланныхъ помѣщикомъ крестьянъ.

Мы видѣли, что Екатерина еще великой княгиней готова была пойти на компромиссъ съ рабовладѣльцами въ крестьянскомъ вопросѣ и предвидѣла ихъ сопротивленіе. Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ и перепискѣ (съ И. П. Елагинымъ, Д. А. Голицынымъ) она окончательно утверждалась на мысли, что собственность полезна и даже необходима для экономического развитія страны, но что дать крестьянамъ свободу и собственность сразу, общимъ закономъ, нельзя—не только на земляхъ помѣщиковъ, которымъ надо предоставить въ этомъ отношеніи полную свободу, но даже и на дворцовыхъ земляхъ, где общая реформа тоже будетъ небезопасна для помѣщиковъ. Дѣло свелось, на первый разъ, къ подгото-вкѣ маленькаго опыта на землѣ Григорія Орлова, где «собственность и свобода» должны были осуществиться въ видѣ наследственной аренды за опредѣленныя повинности, по образцу остзейскихъ крестьянъ;—и даже въ этомъ видѣ остались въ проектѣ; къ скромному запросу по адресу вновь учрежденного Вольнаго Экономического Общества: въ чёмъ именно, въ движимости или въ недвижимости должна состоять крестьянская собственность; и, наконецъ, къ нѣсколькимъ робкимъ выпискамъ изъ Монтескье, наполовину вычеркнутымъ изъ Наказа до его изданія—объ огражденіи личности и собственности крестьянъ отъ произвола и насилия владѣльцевъ. Прежде однако же, чѣмъ подоспѣли отвѣты на тему, поставленную Экономическимъ Обществомъ нѣсколько смѣлѣ Екатерининскаго вопроса, Екатерина должна

была убѣдиться, что самые разговоры о какихъ бы то ни было перевѣнахъ считаются опасными и что, вмѣсто компромисса, дворянство требуетъ безусловнаго и торжественнаго подтвержденія своихъ владѣльческихъ правъ. Наказы заявляли, что «люди и крестьяне нынѣ помѣщикамъ своимъ послушаніе по вѣскольку уменьшаютъ», что «многіе, а особенно въ ночное время, въ домахъ своихъ не бываютъ, а укрываютъ себя въ неизвѣстныхъ никому мѣстахъ», или «страха ради по полугоду и болѣе находятся въ городахъ», такъ какъ бѣглые крѣпостные, «кого изъ тѣхъ помѣщиковъ въ домахъ своихъ застанутъ, мучатъ злодѣйски, жгутъ огнемъ, рѣжутъ и на части разрубаютъ, а дома ихъ выжигаютъ»*). Въ виду этого дворянѣ «всеподданнѣйше прошли, дабы въ сохраненіе древняго узаконенія дворянскіе люди и крестьяне въ подлежащемъ повиновеніи, яко своимъ господамъ, были, и о томъ въ нынѣ сочиняемомъ проектѣ новаго уложенія подтвердить съ такимъ объявленіемъ, что узаконенная древле помѣщицкая власть надъ ихъ людьми и крестьянами не отъемлетъ, безотмѣнно какъ донынѣ была, такъ и впредь будетъ». Тѣ 500 крестьянскихъ прошеній, которыя Екатерина привезла съ собой изъ путешествія по Волгѣ въ Москву, къ самому открытю засѣданій Комиссіи, были слишкомъ краснорѣчivoю иллюстраціей къ свѣдѣніямъ наказовъ. Знаменитая нервная реплика Екатерины поэту Сумарокову («и бываютъ—т. е. помѣщики—отчасти зарѣзаны отъ своихъ» и т. д.) доказываетъ, что императрица отнюдь не представляла уже себѣ деревенскаго сожительства сословій въ видѣ счастливой идиліи. Но практическимъ результатомъ этого яснаго пониманія дѣла на первый разъ оказалось лишь запрещеніе крестьянамъ жаловаться и военные экзекуціи. Мы знаемъ, что Екатерина не любила колебаний въ политикѣ.

Другимъ тяжелымъ ударомъ, который дѣйствительность нанесла гуманнымъ намѣреніямъ императрицы, было отношеніе наказовъ къ ея попыткамъ смягчить уголовную процедуру. Уже въ 1763 г. Екатерина поспѣшила распорядиться, чтобы въ случаѣ сознанія преступника судьи не пытали его (для открытія сообщниковъ или другихъ преступлений, въ которыхъ онъ не обвинялся) и чтобы вообще чиновники мелкихъ городовъ («приписныхъ») не прибѣгали къ пыткамъ. Изъ Новгородскаго, изъ Бѣлозерскаго, изъ Опочецкаго, изъ Чухломскаго уѣзда раздались въ отвѣтъ на это—требованія, чтобы пытать по старому, и заявленія, что «избѣжать не можно, дабы не узаконить жесточайшихъ и беспощадныхъ истязаній». Алатырское дворянство поясняло императрицѣ, что только «просвѣщенный и политизованный народъ» можетъ сознаваться безъ пытки, «а россійскій народъ, когда который сдѣлается злодѣемъ, то уже такое окамененное сердце и духъ

*) О настроеніи крестьянъ послѣ манифеста Петра III о вольности дворянства см. Очерки, I, 214 (4 изд.).

сугубый имѣть, что не только священнику, но и въ розыску, когда его пытаютъ, правды не скажутъ». И полуграмотное данковское дворянство коснѣющимъ языкомъ лепетало вслѣдъ за другими: «а вслушаехъ по законамъ Ея императорскаго величества осудившихъ наказания публичнаго кнутомъ і смертные казни благоволено было чинить встрахъ другимъ втехъ местахъ, где кто какое злодѣйство учинили, въ селахъ и деревняхъ... чтобы всѣ въ сотнѣ и приходѣ на ту экзекуцію къ тому дню сходились и всѣ неотмѣнно были во объявленное мѣсто для усмотрѣнія преступниковъ и злодѣевъ наказанія и казни... чтобы лутче можно чрезъ тотъ страхъ искоренить беззаконныхъ злодѣевъ... что можетъ страхъ и слухъ зараженнымъ въ сердцахъ преступникомъ находится въ глазахъ ихъ быть можетъ наказаніе ихъ понятно каждому»...

Увы, на этотъ разъ крики русской провинціи должны были напомнить Екатеринѣ первоначальный текстъ Беккара, смягченный ею въ § 208 ея Наказа: «На очерствѣлія души народа, едва вышедшаго изъ дикаго состоянія, нужно дѣйствовать впечатлѣніями болѣе сильными и чувствительными; нуженъ ударъ грома, чтобы поразить льва, ибо выстрѣль изъ ружья можетъ только раздражить его; но по мѣрѣ развитія народа *въ условіяхъ общежитія*—врастаетъ и впечатлительность, и вмѣстѣ съ тѣмъ должна ослабиться строгость наказаній». Призванная къ отвѣту, императрица могла бы тутъ отвѣтить только то, что она отвѣтила Сумарокову на его замѣчаніе, что «нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣеть»: «и имѣть не можетъ *въ нынѣшнемъ состояніи*». Такъ, самъ собой возникъ вопросъ, что отъ чего зависитъ; перемѣна «условій общежитія» отъ развитія «благородныхъ чувствій», или, наоборотъ, развитіе «чувствій» отъ перемѣны «нынѣшняго состоянія». Екатерина пока оставалась при либеральномъ мнѣніи: «тѣла» надо освободить прежде «душъ».

Наша характеристика положенія, опредѣлившаго участіе Комиссіи обѣ Уложеній, была бы неполна, если бы мы вовсе обошли молчаніемъ ту область дѣйствій Екатерины, въ которой ей было легче рѣшиться на выборъ между «интересомъ» и «справедливостью». Я разумѣю сферу внѣшней политики.

Какъ известно, пути внутренней и внѣшней политики Екатерины пересѣклись. Комиссія была закрыта (или точнѣе отсрочена), потому что началась первая турецкая война, поглотившая все вниманіе императрицы. Въ новой сферѣ дѣятельности вкусы и стремленія Екатерины нашли болѣе легкое и благодарное примѣненіе. Слава завоевательницы оказалась менѣе тернистой, чѣмъ законодательные лавры, и видѣ силы здѣсь было легче сдѣлать источникомъ силы. Вотъ почему царствованіе, начавшееся демонстративнымъ торжествомъ критическихъ идей, повернуло, затѣмъ, на путь завоевательной политики.

На первый взглядъ, и здѣсь Екатерина лишь примыкала къ пред-

шествовавшей традициі, завершая задачи, поставленные еще московской политикой XV вѣка. Цѣли, дѣйствительно, были тѣ же. До по-разительного сходны были отчасти и средства: я разумѣю поддержку въ Польшѣ православной партіи, достаточно слабой, чтобы она не могла держаться собственными средствами и служила постояннымъ предлогомъ къ русскому вмѣшательству. Казалось, Екатеринѣ самъ собой свалился плодъ, созрѣвшій вѣками. Въ дѣйствительности это было совсѣмъ не такъ. Изслѣдователи все настойчивѣе начинаютъ утверждать, что Екатерина протянула руку къ плоду еще несозрѣвшему и, благодаря этому, оторвала лишь часть вмѣсто цѣлаго. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что ея личное вліяніе во вѣнчайшей политикѣ сказалось очень сильно и что главный результатъ его былъ—ускореніе *тепна* событий, создавшее очень неблагопріятную обстановку для решения поднятыхъ вопросовъ. «Горячая голова» сказалась и здѣсь. Осторожности и медленности—двухъ главныхъ чертъ старой московской политики, совсѣмъ не было въ политикѣ Екатерины.

Напомнимъ, для большей наглядности, быструю смѣну событий, въ предѣлахъ интересующаго насъ теперь промежутка времени. Екатерина дебютируетъ въ политикѣ мирными намѣреніями. Въ нихъ уже таится будущая воинственная программа, такъ какъ очень скоро обнаруживается, что поддержаніе мира есть въ глазахъ Европы *новая цѣль самостоятельной* русской политики, разрывающая съ системой старыхъ союзовъ и начиная новую эру въ международномъ положеніи Россіи. Екатерина втягивается, затѣмъ, стихійно въ колею старой московской политики, но первые, слишкомъ легкіе успѣхи отуманиваютъ ей голову. Достигнутыя черезчуръ неразборчивыми средствами побѣды въ вопросѣ о диссидентахъ ставятъ въ затрудненіе само правительство: оно не можетъ удержаться на занятой позиціи, лицомъ къ лицу съ встревоженными или злорадствующими державами и национальнымъ возбужденіемъ въ Польшѣ, раздраженной русской бездремонностью. «Сила наша все можетъ,—такъ характеризуетъ это положеніе самъ исполнитель русской политики, кн. Репнинъ, изъ Варшавы,—но не только тѣмъ не утвердимъ повѣренность націи къ намъ и нашу здѣсь инфлюенцію, но, напротивъ, совсѣмъ оныя разрушимъ, оставя въ сердцахъ рану всѣхъ резонабельныхъ и достойныхъ людей, которые одни только и могутъ черезъ свой разсудокъ націей предводительствовать... Таковое мнѣніе произведетъ, натурально, крайнюю недовѣрку и сильно слѣдственно будетъ препятствовать къ собранію намъ, въ независимую ни отъ кого, кроме насъ, партію, надежныхъ и достойныхъ людей, на коихъ бы мы характеръ и на ихъ въ народѣ инфлюенцію полагаться могли. Если же нашу партію соберемъ изъ людей, кои почтенія въ націи не имѣютъ, то они намъ болѣе будутъ въ тягость, нежели въ пользу, не имѣя никакого кредита: и тако принуждены будемъ все дѣлать единственно силою. Изъ сего же произойдетъ, что

при первомъ случаѣ, при коемъ аттенція наша или силы отврашены будуть въ другую сторону, то Польша, по бессилію только снося строгость нашего ига, тѣмъ воспользоваться захочеть, дабы оного избавиться... Изъясня я сіе, осмѣлюсь предложить, что наши интересы, на время какого-либо замѣшательства съ Портой, требуютъ, чтобы мы заранѣе въ Польшѣ внутренній порядокъ установили, дабы при надобности можно намъ было ей дать ту силу, которую злагоразсудимъ... а иначе она намъ полезна быть не можетъ».

Послѣдствія осужденной Репнинскимъ политики не замедлили сказаться. Замѣшательства въ Польшѣ склонили турокъ къ объявленію войны, которую Россія предвидѣла, но тщетно старалась предупредить—и должна была вести, не приготовившись, какъ слѣдуетъ. Екатерина не унывала: недостатокъ войскъ она восполнила знаменитымъ напоминаніемъ Румянцеву: «не спрашивали римляне, въ какомъ числѣ противъ нихъ непріятель, но гдѣ онъ». Румянцевъ оказался на высотѣ задачи: Ларга и Кагулъ выручили императрицу и оправдали претензіи русскихъ дипломатовъ. Но это были эффекты минуты, а годы проходили, и русскія войска, несмотря на блестящее начало, не могли двинуться отъ Дуная вглубь страны: не выручала и римская доблесть. Несмотря на это, предъявленные нами къ Турціи требованія были очень высоки, и, вопреки собственному желанію заключить миръ, Порта тянула войну. Наконецъ, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, Екатерина принуждена была пополнить итоги войны вознагражденіемъ отъ Польши и для этого пригласить къ участію въ дѣлѣ другія соєднія державы. Такимъ образомъ, результатомъ злоупотребленія русской силой въ Польшѣ оказалась послѣдняя ликвидація польского вопроса европейскимъ концептомъ.

Ко времени открытія засѣданій комиссіи обѣ Уложеній, лѣтомъ 1767 года, о такомъ вынужденномъ исходѣ русскихъ дипломатическихъ побѣдѣ въ Польшѣ никто еще не думалъ. Европа, казалось, преклонилась передъ неожиданнымъ откровеніемъ русского могущества. Внутри государства положеніе императрицы тоже окрѣпло. Послѣ крушенія брачнаго проекта Орловыхъ, вызвавшаго раздраженіе противъ нихъ въ средѣ гвардейскаго офицерства, Григорій Орловъ не могъ уже импонировать Екатеринѣ своимъ вліяніемъ на круги, возведшіе ее на престолъ. Претензіи Панина на власть были ловко устраниены его приближеніемъ,—какъ Екатерина впослѣдствіи говорила была посовѣтовать Людовику XVI поступить съ Лафайетомъ. Репутація просвѣщенной законодательницы, о которой мечтала Екатерина, была заранѣе обеспечена ей Вольтеромъ. Наконецъ, «довѣріе и любовь народа», которую Екатерина разсчитывала пріобрѣсти вниманіемъ къ «народному благу» и «справедливостью», оказывались традиціонной принадлежностью высокаго званія, которое она носила: Екатерина не знала сердиться ей или умиляться, когда во время путешествія деревенскія

бабы ставили передъ ней свѣчи, крестились и клали земные поклоны. Словомъ, значительная часть внѣшнихъ побужденій къ мудрому законодательству отпала какъ разъ къ тому времени, когда легкій успѣхъ началъ отвлекать вниманіе императрицы къ дѣламъ внѣшней политики. Дѣйствія Комиссіи открывались при этомъ новомъ настроеніи, очень не похожемъ на то, когда эта Комиссія была затѣяна.

Комиссія оказалась громоздкой, сложной и трудно управляемой машиной. Она дѣлала очень серьезное дѣло, и дѣлала его очень солидно; но это было не совсѣмъ то дѣло, для которого прочила ее императрица. Настроеніе собранія оказалось очень дѣловое, и уровень дѣловой подготовки, пониманія собственныхъ интересовъ обнаружился очень высокій. Но за то идеология была рѣдкимъ исключеніемъ среди членовъ. И однако же, вывести отсюда, какъ вывелъ сынъ маршала Комиссіи, Бибикова, что «умы большей части депутатовъ не были еще къ тому приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному ихъ дѣлу», было бы совершенно несправедливо. Краткая характеристика споровъ и взглядовъ собранія намъ это покажетъ.

Первое, что наскѣ интересуетъ, когда мы раскрываемъ обстоятельства протоколы засѣданій Комиссіи,—это та роль, которую играла дворянская интелигенція въ ея дѣятельности. Мы встрѣчаемъ, действительно, въ составѣ членовъ Комиссіи почти все тѣ имена, съ которыми, семью годами раньше, мы встрѣтились на страницахъ первыхъ русскихъ журналовъ. Но наскѣ ждетъ большое разочарованіе: въ Комиссіи первая роль принадлежитъ совсѣмъ не этому цвѣту дворянской молодежи. Она держится крайне сдержанно, говоритъ рѣдко, въ принципіальныхъ вопросахъ большую частью молчитъ и какъ бы систематически избѣгаетъ высказываться. Ближайшее объясненіе можно искать въ томъ, что, занимая часто высокія придворныя и правительственные должности, дворянская интелигенція чувствуетъ себя въ Комиссіи, какъ дома, и уступаетъ мѣсто гостямъ. Но тутъ есть и другой оттѣнокъ. Столичные дѣятели, видимо, лучше посвящены въ закулисную исторію Комиссіи, выступаютъ, только когда это нужно по какимъ-нибудь особымъ соображеніямъ, и предоставляютъ провинціаламъ вести горячія принципіальные пренія, отъ которыхъ все равно не ждутъ важныхъ практическихъ послѣдствій. Бываютъ, однако же, случаи, когда и они считаются нужнымъ высказаться и даже снисходять до полемики съ рядовыми членами собранія. Въ такихъ случаяхъ представители первого русского интеллигентнаго поколѣнія разочаровываютъ наскѣ еще болѣе. Если они высказываютъ либеральныя мысли, почти всегда можно предположить, что они хотятъ быть угодными императрицѣ, или прямо исполняютъ ея сѣкретное порученіе. Если же они говорятъ отъ себя, то ихъ рѣчи почти всегда сводятся къ осторожной защитѣ дворянскихъ притязаній во всей ихъ широтѣ. Время, очевидно, успѣло охладить

ихъ порывы: мы узнаёмъ здѣсь поколѣніе, занимавшееся журналистикой для собственной забавы (см. предыдущій очеркъ) и внесшее въ отвлеченную теорію естественного права практическія поправки. Мы начинаемъ понимать, почему поколѣніе пятидесятыхъ годовъ не записало своихъ именъ въ исторіи русской общественности и совершенно исчезло изъ памяти потомства. Чтобы найти ихъ имена, надо перерѣть словарь Новикова, записку Дмитревскаго: но и тамъ мы узнаемъ только, что всѣ эти камеръ-юнкеры и сановники когда-то въ своей молодости подавали надежды; обѣ исполневіи надеждъ не говорится ни слова.

Отказавшись отъ активной идеиной пропаганды, они, однако, чувствуютъ неловкость передъ открытой защитой сословныхъ привилегій. Принципіальными и безусловными защитниками дворянства являются въ Комиссіи другіе люди, приближающіеся къ одному изъ двухъ крайнихъ типовъ: князя Щербатова, единственного теоретика аристократіи, съ жаромъ и знаніемъ полемизирующаго противъ афишированного либерализма императрицы, но въ тонъ ея тайнымъ симпатіямъ къ «древнимъ фамиліямъ», —или закоренѣлого провинціала Михайлы Глазова, который не можетъ говорить безъ браны и увеселяетъ собраніе своими яростными выходками и безтолковой аргументацией.

Главное оживленіе и интересъ преніямъ придаетъ присутствіе въ собраніи многочисленной антидворянской группы городскихъ депутатовъ. Трудно сказать, насколько намѣренно, но этихъ представителей средняго рода людей оказалось въ комиссіи больше, чѣмъ дворянскихъ депутатовъ (207 противъ 160). Дѣло шло для нихъ о самыхъ жизненныхъ интересахъ, затронутыхъ претензіями дворянства. Уже проектъ, выработанный предыдущей комиссіей, сильно стѣснялъ торгово-промышленный классъ въ пользу дворянства; теперь, изъ наказовъ и мнѣній екатерининскихъ депутатовъ городскіе депутаты «съ прискорбиемъ усмотрѣли, что русскому купечеству готовится большое отягощеніе», и приготовились къ серьезной борьбѣ. Сильный подъемъ промышленной жизни во время Екатерины (см. «Оч.». I, 86, 4 изд.) отчасти обострилъ, отчасти создалъ вновь антагонизмъ между торгово-промышленнымъ и земледѣльческимъ классомъ. Въ деревнѣ значительно развился отхожій промыселъ, кустарничество, скупка и перепродажа крестьянами-кулаками крестьянскихъ продуктовъ. Борьба шла здѣсь за роль скупщика, которую купцы хотѣли отнять у крестьянъ, а крестьяне—удержать за собой. Въ обратномъ направленіи, отъ города къ деревнѣ, развивалась посредническая роль мелочного торговца, по всѣмъ правамъ принадлежавшая купечеству, но постоянно ускользавшая отъ него, благодаря сельскимъ ходебщикамъ и ярмарочнымъ торговцамъ. Въ обоихъ случаяхъ завоевывать посредническую роль въ торговлѣ для крестьянъ—являлось прямой выгодой для ихъ владѣльцевъ, облагавшихъ такихъ крестьянъ высокимъ оброкомъ или вкладывавшихъ въ ихъ торговлю собственный капиталъ. Понятно, почему дворянские депутаты, не ща-

дившіе красокъ для изображенія лѣбности, распущенности и всевозможныхъ пороковъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, вдругъ становились ихъ горячими защитниками противъ нападеній купечества и начинали въ такихъ же яркихъ краскахъ, — даже съ «великимъ движенiemъ духа»—изображать печальное положеніе крестьянства. Существовалъ и другой пунктъ, на которомъ интересы дворянства и купечества сталкивались уже непосредственно. Какъ только фабричное производство начало приносить выгоды, появилась масса фабрикъ, основанныхъ помѣщиками и работавшихъ крѣпостнымъ трудомъ: петровской послесионной фабрикѣ помѣщичья крѣпостная фабрика грозила серьезнымъ подрывомъ. Вотъ почему въ вопросѣ о владѣніи фабриками загорѣлась особенно оживленная перестрѣлка въ Комиссіи. Обѣ стороны требовали запрещеній и не могли сойтись ни на какомъ компромиссѣ. Одно это обстоятельство располагало горожанъ къ постоянной и настойчивой оппозиції противъ требованій дворянства.

Была еще группа въ комиссіи, не такая многочисленная, какъ предыдущая, и не такая однородная по своимъ интересамъ: она занимала промежуточное положеніе, примыкая по разнымъ вопросамъ то къ той, то къ другой изъ предыдущихъ группъ. Это были однодворцы и другие мелкие служилые люди. Противъ дворянства ихъ настраивала претензія послѣднихъ—отгородиться высокой стѣной монаршаго пожалованія отъ массового вторженія въ дворянскую среду всевозможныхъ разночинцевъ путемъ выслуги чина. Но та же надежда сдѣлаться самимъ дворянами отчасти и сближала эту группу съ дворянствомъ. Противъ купечества ихъ возстановляло желаніе послѣдняго отобрать и у разночинцевъ всяkie торги и промыслы: разночинцамъ доходы отъ промышленныхъ занятій были, между тѣмъ, еще нужнѣе, чѣмъ крестьянамъ, такъ какъ здѣсь количество лицъ, потерявшихъ землю и принужденныхъ кормиться промыслами, было гораздо больше.

Въ одномъ только вопросѣ представители разныхъ сословій оказались единодушными между собой и согласными съ взглядами императрицы. Остзейскіе, финляндскіе, малороссійскіе и смоленскіе депутаты прѣѣхали въ Комиссію съ твердымъ намѣреніемъ—не считать ея дѣла своимъ собственнымъ. «Блаженству всѣхъ и каждого» они предпочитали сохраненіе старыхъ привилегій, укрѣпленныхъ за ними договорами, на основаніи которыхъ они присоединены были въ свое время къ Россіи. Екатерина ясно понимала, въ чемъ дѣло, и давно уже составила себѣ определенный планъ дѣйствій. «Нарушить (привилегіи) отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ—весьма непристойно бы было, однакожъ и называть ихъ чужестранными... есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностю глупостью... Си провинціи надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ обрусьли». Эти слова инструкціи генераль-прокурору написаны въ 1764 г. Но въ Комиссіи Екатерина должна была говорить другимъ языкомъ. Она обидѣлась за

свои просвѣщенные принципы. «Чтобъ лифляндскіе законы лучше были, нежели наши будуть,—тому статья нельзя; ибо наши правила само человѣколюбіе писало, а они правиль показать не могутъ. и сверхъ того и выя ихъ узаконенія наполнены невѣжествами и варварствами. И такъ, предохраняя себя, торжественно они просятъ: мы хотимъ, чтобы насть смертью казнили, мы просимъ пытокъ; мы просимъ, чтобы отъ безпрерывной ябеды наши суды никогда не были окончены... Проповѣщенію свѣту останется судить о подобныхъ неистовствахъ». Такія мысли Екатерина распорядилась внушить въ Комиссіи «кому благопристойнѣе, а лучше, если бы былъ кто-нибудь изъ знати». Однако же, тонкая работа императрицы не понадобилась. Собраніе обидѣлось требованіями окраинныхъ депутатовъ не менѣе императрицы, но выразило эту обиду грубѣе и откровеннѣе. «Побѣжденные» не должны имѣть преимущества надъ «побѣдителями»; а государь можетъ сдѣлать, что хочетъ: следовательно, законы должны быть одинаковые для всѣхъ. Такова, въ главныхъ чертахъ, аргументація ораторовъ въ собраніи Екатерина не могла не почувствовать, какъ, тормозя всѣ планы ея, когда дѣло шло о политикѣ внутренней, депутаты готовы были развязать ей руки и идти сами дальше ея въ национальномъ вопросѣ. Это было предвкушеніемъ того успѣха, который ожидалъ императрицу въ мнѣніи самого общества, какъ только свои мечты и усиленія она перенесетъ въ область внѣшней политики.

Такова была та сложная среда, не приспособленная, быть можетъ, къ осуществленію задачъ Екатерины, но очень способная и готовая стремиться къ осуществленію своихъ собственныхъ. Разъ государыня «удостоила» депутатовъ «не только объявлять о своихъ нуждахъ, но и быть еще судьями разматриваемыхъ общенародныхъ дѣлъ»,—они, конечно, не считали «возможнымъ гражданину умолкнуть». Но довольно естественно, что обсужденіе «общенародныхъ дѣлъ» они вели съ точки зрѣнія своихъ групповыхъ интересовъ. Это-то и лишило возможности императрицу и ея депутатовъ говориться другъ съ другомъ.

Черезъ свою интеллигенцію императрица не разъ пыталась навести собраніе на обсужденіе интересовавшихъ ее вопросовъ: о пыткѣ и крѣпостномъ правѣ. Но первый вопросъ почти не нашелъ отклика среди депутатовъ, если только не считать нѣсколькихъ случайныхъ обмолвокъ провинціаловъ въ пользу тѣлесныхъ наказаній, что вызвало лишь рѣзкіе призывы къ порядку и ироническія напоминанія объ идеяхъ Наказа со стороны дворянской интеллигенціи. По вопросу о крѣпостномъ правѣ и объ ограниченіи помѣщичьей власти застрѣльщикомъ выступилъ тоже одинъ интеллигентный дворянинъ,—провинціалъ, но, какъ мнѣ кажется, инспирированный властью *). Въ пику дворянству, депутаты другихъ сословій отнеслись къ нему довольно сочувственно, но со

*) Коробынъ, которому и потомъ Екатерина поручила защиту «правъ благородныхъ» и который голосовалъ часто вмѣстѣ съ дворянской интеллигенціей.

стороны дворянства поднялась такая буря, которая должна была еще разъ убѣдить Екатерину, что самыя скромныя попытки ея въ этомъ направлениі натолкнутся на самое упорное сопротивленіе. Екатерина сдѣлала, однако, еще попытку: въ проектѣ о правахъ благородныхъ, выработанный частной комиссией, введено было глухое указаніе на возможность устройства нового типа «свободныхъ деревень», которыя предполагалось снабдить разными льготами по правовому положенію. Но дворянство, и именно интеллигентное, на этотъ разъ предпочло не понять намека, дѣйствительно не особенно яснаго.

На разборѣ этого «проекта правъ благородныхъ» главныя сословныя группы собранія дали, наконецъ, другъ другу генеральное сраженіе, которое должно было наглядно доказать императрицѣ, что можно и чего нельзя добиться отъ Комиссіи. Уже первая попытка маршала—ограничить собраніе суммарной оцѣнкой проекта—вызвала протестъ со стороны обѣихъ боровшихся другъ съ другомъ группъ. Небольшая группа дворянъ-писателей и интеллигентовъ коротко, но рѣшительно попросила «времени на размышленіе». Представители разночинцевъ, интересы которыхъ особенно были задѣты проектомъ, еще настойчивѣе просили «дозволить: если онъ (проектъ) сходствененъ съ положеніемъ нашего государства, и что болѣе, ежели согласенъ съ естественнымъ разсужденіемъ» (изъ него разночинцы выводили требование о равенствѣ всѣхъ дворянъ!), то подтвердимъ и постановимъ онъ непоколебимымъ; а если, напротивъ того, найдемъ въ немъ что-нибудь такое, которое для всего отечества и общаго спокойствія можетъ быть вредно, о томъ подать намъ свои примѣчанія». Маршалъ уступилъ, и рѣшительная борьба началась. Въ ней снова были подняты всѣ затруднительные вопросы и вновь возникли, вмѣстѣ съ ними, всѣ серьезныя разногласія, раздѣлявшія депутатовъ. Но теперь боровшаяся партія сосчитались и выступали сплоченными группами. Интеллигентное дворянство, защищавшее привилегіи, выставило своимъ лидеромъ Алексея Нарышкина, извѣстнаго намъ сотрудника херасковскихъ журналовъ: за нимъ по всѣмъ вопросамъ, крупнымъ и мелкимъ, шла тѣсная группа въ 36 человѣкъ. Гораздо импозантнѣе были группы разночинцевъ и горожанъ, боровшихся за доступъ въ дворянство и за охрану торгово-промышленной дѣятельности отъ дворянскихъ фабрикъ и крестьянскихъ кулаковъ. Не могло быть рѣчи о дальнѣйшемъ соглашеніи по существеннымъ вопросамъ въ собраніи, гдѣ численное преобладаніе принадлежало непримиримымъ противникамъ «правъ благородныхъ». Настроеніе этого большинства и невозможность идти съ нимъ въ желательномъ для правительства направленіи особенно ярко сказались въ исторіи одной баллотировки, которая по началу казалась совершенно случайной, а своимъ исходомъ, можетъ быть, оказала рѣшительное вліяніе на судьбу комиссіи.

Въ засѣданіи 7-го августа 1768 г. дворянскій депутатъ кн. Иванъ Вяземскій выступилъ съ предложеніемъ, по внѣшности примириительнымъ.

Онъ находилъ, что проектъ дворянскихъ правъ ничего не отниметъ у тѣхъ, кто въ данную минуту чѣмъ-либо владѣеть, что всѣ дослужившіеся «до сего времени» разночинцы, несомнѣнно, попадутъ въ дворянство и что остается ходатайствовать у императрицы о «разборѣ дворянства» и о составленіи общаго дворянскаго списка. Но въ понятіи интеллигентнаго дворянства «разборъ» соединялся съ разграничениемъ дворянъ по разрядамъ и съ закрытиемъ дальнѣйшаго доступа къ дворянству. Предложеніе Вяземскаго, несомнѣнно, было инспирировано императрицей, но внесено было, какъ многія такія же внушенные предложения, такъ осторожно, что въ началѣ не возбудило ничьего особеннаго вниманія. Но это-то и оказалось опаснымъ для исхода предложенія. Въ концѣ слѣдующаго засѣданія, выслушавъ совершенно резонныя соображенія двухъ городскихъ депутатовъ, что составленіе списковъ есть дѣло герольдій, что собраніе должно лишь установить *правила* полученія дворянства, а не заботиться о томъ, кто попадетъ въ дворянство и кто нѣтъ; что, наконецъ, предложеніе Вяземскаго явно двусмысленно и клонится къ устраниенію чиновниковъ и офицеровъ отъ дворянства,—разночинцы и горожане большинствомъ 102 голосовъ противъ 18 провалили предложеніе Вяземскаго. Тогда въ слѣдующее засѣданіе явились отсутствовавшіе въ предыдущемъ члены интеллигентной дворянской группы и въ ихъ числѣ такие рѣдкіе гости Комиссіи и близкіе люди императрицы, какъ Григорій Орловъ, Козицкій, Левъ Нарышкинъ. Предложеніе Вяземскаго было поставлено вновь, подъ тѣмъ неловкимъ предлогомъ, что герольдія требуетъ списковъ у Комиссіи, а Комиссія сама не можетъ ихъ сообщить и должна все-подданѣйше испросить ихъ у государыни. Подъ предложеніемъ Вяземскаго подписались 140 человѣкъ, въ томъ числѣ до десятка татаръ; новая баллотировка назначена была въ слѣдующее засѣданіе. Передъ баллотировкой маршалъ пригласилъ депутатовъ къ особому размышенію и «во время самой раздачи шаровъ не преминулъ паки напомянуть, чтобы тѣ клали шары на правую сторону, которые согласны съ Вяземскимъ». Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій и напоминаній нашлось всетаки 158 дерзкихъ смѣльчаковъ, которые предпочли лѣвую сторону правой. За Вяземскаго было подано 242 голоса.

Отсрочка засѣданій Комиссіи, четыре мѣсіца спустя, конечно, не стояла въ прямой связи съ только-что описаннымъ инцидентомъ. Изъ 160 дворянскихъ депутатовъ, 92 должны были отправиться къ дѣйствующей арміи, чѣмъ достаточно мотивировался перерывъ въ занятіяхъ Комиссіи. Но эпизодъ съ Вяземскимъ долженъ былъ показать, что Комиссія совсѣмъ не годится, какъ *machine à voter*. Какъ источникъ свѣдѣній о положеніи государства, «съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно»,—она уже сдѣала свое дѣло. Дѣловыми свѣдѣніями и рабочею силой депутатовъ гораздо удобнѣе было пользоваться въ многочисленныхъ частыхъ комиссіяхъ, выбранныхъ «Большою». Такимъ образомъ, созывъ вновь Большой Комиссіи былъ бы только стѣсни-

тленъ для личной инициативы императрицы, а мы знаемъ, что этой инициативой она не имѣла желанія поступиться, особенно теперь, когда убѣдилась въ упорствѣ, съ какимъ различныя сословныя группы защищаютъ свои интересы. Эра «блаженства всѣхъ и каждого» кончилась. Когда у Екатерины вернется вкусъ къ законодательству, она будетъ искать иныхъ авторитетовъ и поставить себѣ иныхъ, болѣе скромныя цѣли (см. 318 и слѣд.). Но она всегда будетъ помнить о неудачѣ своего «просвѣщенаго» законодательства, когда обстоятельства столкнутъ ее съ прямыми проявлениями русской общественной самодѣятельности.

Кромѣ общихъ сочиненій Соловьевъ (томы XXV—XVIII или V и VI компактнаго изданія), Брикнера (Исторія Екатерины Второй, изд. А. Суворина, съ рисунками, Спб. 1885) и Бильбасова (два тома до 1764 года) см. также двухтомную характеристику личности Екатерины и ея сотрудниковъ. *K. Waliszewski Le roman d'une impératrice et Autour d'un trône*, Paris, 1894 (10-е изд. и 5-е изд.). По случаю столѣтнаго юбилея появился рядъ характеристикъ, принадлежащихъ проф. В. О. Ключевскому, Императрица Екатерина II (Русская Мысль, 1896, XI); В. С. Ильиникову (Значеніе царствованія Екатерины II, Киевъ, 1897; стр. *etio же* Страница изъ истории Екатерининскаго Наказа, объ отмѣнѣ пытки въ Россіи); Г. Черемятковичу (Значеніе царствованія Екатерины II въ русской исторіи, Одесса, 1897); А. С. Лаппо-Данилевскому (Очеркъ внутренней политики Екатерины II, Спб., 1898); А. А. Елизаветтеру (Историческое значеніе царствованія Екатерины Великой въ Образованіи, 1896, № 11). О современной французской литературѣ см. Тэн, Прописаніе современной Франции, т. I; Лансонъ, Исторія французской литературы, т. II, М. 1898; Сорель, Монтескье (два перевода подъ ред. Н. Карцева и П. Виноградова); Морлей, Вольтеръ, перев. подъ ред. Кирпичникова, М. 1889 и Штраусъ, Вольтеръ, изд. «Книжного Дѣла», М. 1900. Собственноручные замѣтки Екатерины до 1762 года изданы въ «Бумагахъ императрицы Екатерины II» академикомъ Лекарскимъ, т. I, Спб. 1871 (7-й томъ Сборника Русского Исторического Общества), текстъ книги Беккаріа «О преступленахъ и наказаніяхъ», сопоставленъ съ текстомъ Наказа въ книгѣ С. Зарудного (Бо пр. и нак. Спб., 1879). Гравюра по случаю изданія Наказа издана въ Исторіи Екатерины Брикнера. Наказы депутатовъ Екатерининской Комиссии напечатаны въ томахъ IV, VIII, XIV, XXXII, LXVIII и XCIII Сборника Русского Исторического Общества. Протоколы засѣданій Большой Комиссии—въ первыхъ половинахъ тѣхъ же томовъ (кромѣ послѣднихъ двухъ). Содержаніе дворянскихъ наказовъ изложено въ статьѣ С. Б(рюлловой), «Вѣст. Евр.», 1876, № 12: Общественные идеалы въ Екатерининскую эпоху. Болѣе подробное изложеніе дворянскихъ и городскихъ наказовъ, въ сопоставленіи съ законодательными мѣрами, см. въ «Законодательныхъ комиссіяхъ въ Россіи въ XVIII в.». В. Н. Латкина, т. I, Спб. 1887. Тамъ же и исторія предыдущихъ комиссій Общая характеристика дѣятельности Комиссіи см. у Сергеевича, Лекціи и изслѣдованія, Спб. 1883, и Дитятиня, Екатерининская Комиссія, въ Статьяхъ по исторіи русского права, Спб. 1896. Отношеніе Екатерины къ крестьянскому вопросу см. въ Крестьянскомъ вопросѣ въ Россіи, В. И. Семёнова, т. I, Спб. 1888. Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины, 1762—1774, по русскимъ источникамъ, характеризована Н. Д. Чечулинымъ, Спб. 1896. Донесеніе князя Репнина см. въ Сборникѣ Русского Исторического Общества т. LXXXVII (1893).